Н. К. ДМИТРИЕВ

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

ИВЛ

ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ

Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко

Н. К. ДМИТРИЕВ

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1960

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Н.К.Дмитриева "Турецкий язык" входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: "Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала", "Иранские языки", "Языки Юго-Восточной Азии", "Монгольские языки и диалекты Китая", "Языки Африки" и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные живые языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагалог (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, пехлеви, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имелся свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов - не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов университетов, педагогических институтов и аналогичных им высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии "Языки зарубежного Востока и Африки".

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени выхода в свет очерка члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Н.К.Дмитриева "Строй турецкого языка"* прошло двадцать лет. К моменту составления очерка уже окончательно сложились взгляды автора на строй тюркских языков (в числе их и турецкого) в целом, на основные категории фонетики, грамматики, лексики и их соотношения в семье тюркских языков, наиболее полно описанные Н.К. Дмитриевым в "Грамматике башкирского языка" (М.- Л., 1948). К этому же времени у Н.К.Дмитриева выработалась схема описательной грамматики тюркских языков, неоднократно проверявшаяся им в практике педагогической работы на факультетах восточных языков Ленинградского государственного университета, Крымского педагогического института и других высших учебных заведений при чтении им курсов по фонетике и грамматике турецкого, туркменского, башкирского, кумыкского, крымскотатарского, карачаево-балкарского и других тюркских языков.

Описательная схема Н.К. Дмитриева явилась в известной мере продолжением и развитием описательной схемы его учителя акад.В.А.Гордлевского, данной в "Грамматике турецкого языка", в подготовке которой принимал ближайшее участие Н.К.Дмитриев**.

Несомненна связь описательной грамматики обоих авторов с грамматическими описаниями П.М. Мелиоранского, представленными в "Краткой грамматике казак-киргизского языка"***.

---

* В серии "Строй языков под общей редакцией А.П.Рифтина", вып.11, Л., 1939. - *Ред.*

** См.: В.А.Гордлевский, *Грамматика турецкого языка*, М., 1928, стр.IV. - *Ред.*

*** П.М.Мелиоранский, *Краткая грамматика казак-киргизского языка*, ч.I: *Фонетика и этимология*, СПб., 1894; ч.II.*Синтаксис*, СПб., 1897. - *Ред.*

План описательной фонетики и грамматики тюркских языков вместе с характеристикой их структурных частей и соотношений, разработанных Н.К. Дмитриевым, получил значительное распространение в научно-исследовательской и прикладной лингвистической работе.

Свое первое печатное выражение схема Н.К.Дмитриева получила в переиздаваемой ныне брошюре "Строй турецкого языка".

Постоянно имея в виду современный ему литературный турецкий язык, автор в ряде случаев находит нужным представить описываемые им фонетические или грамматические явления в их динамике. Это придает определенную историческую направленность всему очерку, что характерно для всех лингвистических трудов Н.К.Дмитриева.

По расположению материала очерк иногда отличается от аналогичных его работ, появившихся позднее. Впрочем, это обстоятельство не имеет принципиального значения и не затрагивает существа описательной схемы.

Несмотря на выходившие после 1939 г. обстоятельные описания грамматики современного турецкого литературного языка, очерк все еще сохраняет свое значение, а фундаментальное изучение ряда вопросов, поставленных Н.К.Дмитриевым в очерке ("анатолизация" турецкого литературного языка, вопрос о сингармонизме слога, отдел лексикологии и семантики, в значительной мере синтаксиса сложного предложения - с формальными показателями и без них), за истекшие двадцать лет подтвердило плодотворность научных идей автора и актуальное значение выдвинутых им проблем в изучении строя турецкого и других тюркских языков.

В настоящем издании текст очерка сохранен без существенных изменений. Приложенный к очерку стихотворный отрывок опущен, поскольку его назначение - показать на буквальном переводе в сводном виде грамматическое своеобразие турецкого языка в сравнении его с русским - в настоящее время в методическом отношении может быть подвергнуто сомнению.

Некоторые положения автора в настоящем издании опущены, поскольку сам автор отказался от них после 1950 г. Вышедшие из употребления выражения и термины заменены современными. Все технические погрешности, встречавшиеся в первом издании, здесь устранены. Все явные опечатки исправлены.

Написания примеров из других тюркских языков, данные автором в латинице, в настоящем издании заменены в соответствии с действующей письменностью на основе русской графики.

В единичных случаях редактор вносил дополнения, конкретизируя мысли автора. Эти дополнения заключены в квадратные скобки.

В отдельных случаях сделаны незначительные перестановки.

Сноски под звездочкой принадлежат автору очерка. Редакторские сноски - также под звездочкой - оговорены специальным примечанием.

Примечания к тексту вынесены в конец очерка и имеют сквозную нумерацию.

Список литературы по турецкому языку дополнен преимущественно некоторыми важнейшими работами, вышедшими после 1939 г.

Включенный в издаваемую Институтом востоковедения АН СССР серию "Языки зарубежного Востока и Африки" очерк в настоящем издании выходит под названием "Турецкий язык".

Э. В. Севортян

ВВЕДЕНИЕ

Турецкий язык известен истории с XIII в. Турки-сельджуки, одно из племен более обширного племени огузов, в XI в. хлынули через прикаспийские степи и северо-западные провинции Персии в Малую Азию, где и создали особое сельджукское государство. В XII в. новая волна огузов, теснимая монголами, осела на территории сельджуков, первоначально став в вассальную зависимость от последних. Один из мелких вассальных князей Осман и его сын Орхан объединили под своей властью северо-западную Анатолию и образовали династию Османидов, по имени которой население северо-западной Анатолии стало согласно обычаю тех времен, называться османами, или османцами.

Остановимся подробнее на вопросах терминологии. Наименование "османский, османец" (по-турецки *osmanlı*) происходит от арабского мужского мусульманского имени *uemān*. Придворные и клерикальные круги молодой Турции феодального периода воспитывались на арабской культуре и подражали арабскому во всем, отсюда и стремление произносить ө в слове *ʿüөman* возможно ближе к арабской артикуляции; поэтому европейцы (дипломаты, коммерсанты и т.д.), имевшие дело не с османской массой, а с официальным миром, слышали только такое, искусственное, произношение слов *Osman* и *osmanlï* и пытались образовать особую артикуляцию ө в своих приближенных формах *Othman, Ottoman*, откуда ведет начало и русское "оттоман", "оттоманский". В конце XIX и начале XX в. через французское посредство в русский язык проникло в качестве *mot savant** слово "осман", "османец", известное также и в не привившейся у нас форме "османлис", "османлисы", которая представляет собой механический сколок с французского множественного числа: *osmanlis*. До кемалистского переворота язык жителей Турции, территориально распространившийся, кроме Анатолии, также на се-

* "Ученого" слова. – *Ред.*

верную часть Сирии, части Фракии, Македонии, Восточной Румелии, Боснии[1], назывался в специальной литературе "османским", или "османско-турецким" языком. Последний термин состоял из двух: видового обозначения ("османский") и родового названия той семьи языков ("турецкой" [как говорилось вплоть до 30-х годов], или "тюркской"), в которую входил османский язык. Примерно в 1926 г. Турция официально декларировала, что термин "османский" подлежит устранению как напоминающий о старой феодальной Турции. Это заставило нашу специальную литературу пересмотреть употреблявшуюся ею терминологию и установить для видового обозначения термин "анатолийско-турецкий" (по-турецки *Anadolu türkçesi*)[2] или "турецкий" (в узком смысле)*. Тем не менее ясность в этом вопросе постепенно нарушается в силу того, что современные турки, перестраивая язык, который они называют турецким (*türkçe*), переделывают его лексический состав и, удаляя оттуда ряд слов, объявляют их "османскими" (*osmanlıca*), хотя бы они употреблялись и до последнего времени. А между тем, если исходить из упомянутой выше декларации, османский язык как будто перестал существовать еще до 1926 г. Таким образом, насколько мы можем судить, под "османским" в Турции теперь понимают: 1) язык султанской Турции в полном его объеме и 2) отдельные элементы современного языка, которые в официальном порядке объявляются аннулированными.

Острие языковой реформы было направлено против определенной части турецкого словаря и на несколько меньшей степени против его грамматической структуры[3]. Особенно остро обстоит дело с вопросом терминологии. В течение веков османский язык впитал в себя колоссальное количество арабских и персидских языковых элементов (словарных и грамматических). Проводниками иностранных влияний в язык являлись мусульманское духовенство, духовная школа, султанская администрация, официальный государственный язык и, наконец, "литература для немногих", распространявшаяся среди верхушки феодального общества в виде отдельных рукописей, тогда как народные массы были почти поголовно безграмотны. Естественно, что и введение книгопечатания (в конце 20-х годов XVIII в.) сравнительно мало изменило картину, и ко второй половине XIX в. создалось такое положение, которое наблюдал ориенталист Г. Вамбери: турок-слуга стоял в кабинете своего "эфенди", прислушивался к его "турецкому" разговору с другим "образованным" турком и . . . не понимал. Не лучше обстояло дело с алфавитом. Вполь-

* Ср.: В.А.Гордлевский, *Грамматика турецкого языка*, М., 1928, стр. III–IV. – *Ред.*

не приспособленный к арабской фонетической системе (классического языка), он плохо подходил к турецкой, в которой не было богатого арабского консонантизма, но зато имелся развитой вокализм (восемь фонем вместо трех арабских), совершенно не допускавший факультативного обозначения гласных, как это практикуется в арабской орфографии. Тем не менее арабский алфавит был введен, и система scriptio defectiva* распространилась настолько, что начертания собственно турецких (не арабских и не персидских!) слов часто превращались в своего рода иероглифы: чтобы прочесть слово, надо было знать его произношение! Слабые попытки тогдашней турецкой общественности (XIX в.) реформировать язык (пока только в области алфавита) при султанате не имели никаких положительных последствий[4]; половинчатые мероприятия младотурок (ср. общество "Türk Derneği"[5]) также не привели ни к чему. И только в 1928 г. в Турции произошла латинизация, не без влияния Советского Азербайджана, который вступил на этот путь значительно раньше.

Тем не менее пути советской и турецкой латинизации были различны, и турецкий латинизированный алфавит и поныне в некоторых отношениях не совпадает с латинизированным алфавитом, [принятым ранее у] тюркских народов СССР. Не касаясь расхождений в области орфографии, отметим чисто графические моменты: знаки *y* (= быв. советскому лат. *j*), *j* (= быв. советскому лат. *z*) приняты турками под влиянием французского алфавита. А это, конечно, объясняется тем экономическим и культурным воздействием, которое Франция оказывала на Турцию с первой четверти XIX в., когда султанат, озадаченный все более частыми военными поражениями турецких войск, решил ценой уничтожения корпуса янычар "европеизировать" по методу французских инструкторов сперва только турецкую армию. Далеко идущие результаты этого мероприятия общеизвестны: достаточно указать на то, что французский язык – как бы "второй язык" Турции, который там понимают решительно везде (конечно, в разной степени[6]). И вот когда средневековые арабо-персидские пласты турецкой лексики оказались под ударом – а эти пласты охватывали не менее 75% всего словарного состава, – их можно было в срочном порядке заменить только западноевропейскими (= французскими) эквивалентами.

Имея в виду подробнее остановиться на составе турецкого словаря и его реформе несколько ниже, пока ограничимся только одним замечанием принципиального характера. Поскольку перестройка турецкого языка еще только началась и поскольку соответственные документы и материалы доходят до нас крайне скудно, говорить о всей языковой реформе и ее результатах и преждевременно, и фактически невозможно. Поэтому все те сведения, которые даются ниже, будут относиться скорее ко вчерашнему и (за некоторыми исключениями) нынешнему дню турецкого языка, чем к его завтрашнему дню[7]. Тем не менее новшества в турецком языке, как уже было сказано, распространяются главным образом на словарь, а потому говорить о каких-либо принципиальных сдвигах в самом строе турецкого языка пока никаких оснований нет. Следует добавить, что предварительных работ по истории турецкого языка еще не производилось ни европейскими авторами, ни турками, которые, кстати сказать, до кемалистского периода занимались своим родным языком в разрезе средневековой арабской схоластики и только теперь переходят к иным методам лингвистической работы[8]. Как видно из сказанного, во всех языковых источниках, редких и зачастую художественных по выполнению рукописях, а позднее – книгах, газетах и журналах, "народ безмолвствует", или, точнее говоря, является лишь косвенным участником в истории литературного турецкого языка. Масса, почти поголовно безграмотная в старой Турции, имела свой язык, который, по понятным причинам, испытывал на себе сильное воздействие со стороны языка феодальной верхушки (религиозный и административный словарь и т.д.). В отношении материалов по народному языку старой Турции мы находимся в весьма плачевном положении: здесь, кроме фольклора и отрывочных цитат у мемуаристов и европейских путешественников, других источников нет. Характерно, что турецкий фольклор рассматривался "высшим обществом" как нечто презренное и невежественное, что надо преследовать, а никак не собирать и распространять[9]. Поэтому фольклор стал собираться (и притом европейцами) сравнительно поздно (деятельность И.Кунош в 80-х годах). Находящиеся в нашем распоряжении образцы, как это наблюдается и в любом национальном фольклоре, очень плохо поддаются датировке; поэтому говорить об истории языка турецких народных масс мы пока почти не можем. Тем не менее турецкие сказки, а главным образом театральные пьесы из репертуара Карагёза и подобных жанров сохранили указания на территориально-диалектальный и социальный критерий в языке. Официальные турецкие теоретики султанской эпохи наметили следующие стилистические градации в турецком языке: *fasih türkçe* "изысканный турецкий язык", *orta türkçe* "средний турецкий" и *kaba türkçe* "грубый турецкий".

К настоящему времени трудами главным образом западных ученых собрано довольно много материалов по турецким живым диалектам, правда, в большинстве случаев фольклорных и различных по своей лингвистической ценности.

---

* Неудовлетворительного письма. – *Ред.*

Из отдельных диалектов можно отметить "дунайско-турецкие", адрианопольский, македонские, адакалийский и боснийский (в Европе) и "восточноанатолийские" (Ризе, Трапезунд, Эрзерум), кастамунийский, айдынский, конийский вместе с караманским, сивасский, анкарский, смирнский и другие (в Анатолии)[10]. Помимо "внутренних" причин, разобщение отдельных территориальных диалектов усиливалось за счет инонациональной прослойки в отдельных районах (славяне: сербы и болгары; греки, армяне, курды, арабы и др.).

Кроме этих диалектов, черты которых отразились в фольклорных записях, в Турции существовал централизованный литературный и официальный язык, созданный на базе говора Стамбула. В эпоху султаната "стамбульский диалект" играл в Турции такую же роль, как во Франции говор Парижа. Кемалистская Турция, порывая с прошлым, перенесла столицу в Анкару и этим обозначила перемещение языкового центра: с этих пор стамбульский диалект становится в положение провинциального, а на роль столичного претендует говор Анкары.

"Анатолизация" турецкого языка за последнее время проводилась довольно заметно (особенно в отношении словаря)[11].

Поскольку Турция исторически была связана с рядом государственных национальностей, особенно государственных образований в Передней Азии, в бассейне Средиземного моря и на Балканах, естественно, что и турецкий язык находился во взаимодействии со многими языками других семей, реже – в положении подчиненного элемента (ср. арабский и персидский, позднее французский и отчасти среднегреческий и итальянский) и чаще – в положении доминирующего (албанский, румынский, болгарский, сербский, новоарабские наречия, новогреческий, армянский)[12]. Естественно, что словарный запас этих языков переполнен турцизмами, изучение которых важно не только для истории этих языков как таковых, но и для самого турецкого языка, поскольку подобная "хронологическая фиксация" его форм производилась здесь в общем более совершенным способом, чем могла быть сделана в самом турецком языке средствами арабского алфавита.

Таким образом, в результате соприкосновения турецкого языка с другими турецкий словарь представлял собой пестрый конгломерат арабизмов, фарсизмов, грецизмов, романизмов вообще и галлицизмов в частности; но если эти ингредиенты не так давно составляли 60 – 75% словаря (в зависимости от характера текста), то в отношении грамматики турецкий язык сохранил гораздо более оригинальных черт.

ФОНЕТИКА*

В области турецкого вокализма различают восемь фонем: [a], [e], [ı], [i], [o], [ö], [u], [ü]. Из них [e] по месту своего образования в общем соответствует русскому э. Знак ı употребляется для звука ы, однако он более задний и более открытый по сравнению с русским ы, – иначе говоря, акустически напоминает русский редуцированный а безударных слогов. Звуки, изображаемые знаками ö и ü, близки к гласным французских слов *boeuf* и *but*. Стандартные восемь гласных фонем литературного произношения допускают ряд комбинаторных оттенков в самом литературном языке (ср. описание Бергштрессера[13]), не говоря уже о диалектах. Один из виднейших османистов старого времени проф. В.Д.Смирнов указывает в одной из своих рецензий[14], что число гласных в турецком языке значительно больше традиционных восьми; но при этом он не дает конкретных материалов, по которым можно было бы судить о том, являются ли эти звуки самостоятельными фонемами или только вариантами других фонем. Наиболее существенно, пожалуй, отметить два варианта фонемы [e]: узкий, типа русского э, и широкий, который можно обозначить через ɛ. Последний вариант встречается в ударном закрытом слоге: *ɛv* „дом" – пишется *ev*, *ɡüzɛl* "красивый" – пишется *güzel* и т.д. Характерно соотношение слов *dev* "чудовище", "див" и *def* ~ *tef* "бубен". Первое произносится: *def*, а второе *dɛf*. В то же время есть разница между произношением слова *dev* "див" и *deva* "лекарство": первое звучит: *def*, второе – *devâ*[15]. С фонологической стороны турецкий вокализм характеризуется противопоставлением гласного ряда: [a], [ı], [o], [u] гласному ряду: [e], [i], [ö], [ü]; первая группа условно называется гласными заднего ряда, вторая – гласными переднего ряда. Наряду с этим условным обозначением в турецких грамматиках употребляется своего рода "профессиональная" терминология: нёбный и нёбный ряды, основанная на логическом принципе дихотомического деления. Как видно, критерием такого деления служит роль мягкого и твердого нёба в артикуляции гласных. Исходя из критерия "огубления" гласных, противополагают [a], [e], [ı], [i] как "негубной" ряд "губному" [o], [ö], [u], [ü]. Наконец, третье традиционное деление гласных на "широкие" [a], [e], [o], [ö] и "узкие" (< "нешироких") [ı], [i], [u], [ü] основано на степени раскрытия рта при артикуляции гласных и впервые в таком виде предложено В.В.Радловым.

---

* В дальнейшем турецкие слова всюду изображаются согласно действующей турецкой орфографии.

Тройная классификация турецких гласных была создана отнюдь не как кабинетная схема: это был итог практических наблюдений, произведенных чисто индуктивным путем. Данная схема имеет целью предложить формулировку для специфического явления гармонии гласных, сущность которого сводится к следующему. Как известно, турецкий язык принадлежит к агглютинативной группе языков: корень турецких слов оформляется путем специальных формативов (аффиксов), которые в определенном порядке прибавляются к концу корня один за другим. Таким образом, все словообразовательные и словоизменительные процессы с внешней стороны характеризуются наличием особого, специфического аффикса, и в результате таких процессов корень в один слог может разрастись до пределов необычайно длинного слова. Этот морфологический процесс оформления слова идет параллельно с фонетическим процессом ассимиляции звуков аффикса звукам корня (так называемый сингармонизм). Иначе говоря, турецкие аффиксы не имеют стандартного звукового состава: каждый аффикс представляет собой теоретическое единство нескольких вариантов и конкретизируется только в каждом отдельном слове.

Так, аффикс множественного числа имеет два варианта: *-lar* или *-ler*, аффикс родительного падежа - четыре варианта: *-ın*, или *-in*, или *-un*, или *-ün*. За исключением немногих аффиксов, которые еще удерживают свою пережиточную форму отдельного самостоятельного слова (ср. аффиксы *-daş*, *-yor*, *-ken*, *-ki*), все аффиксы современного турецкого литературного языка имеют или 1) два варианта (ненёбный и нёбный), или 2) четыре варианта (ненёбный и нёбный, негубной и губной). При этом аффикс имеет два варианта, если специфический для него гласный, по линии которого происходит вариация, широкий, и четыре варианта, если такого рода гласный относится к узким.

Примеры: 1) *-ın//-in//-un//-ün* -аффикс родительного падежа;
2) *-a//-e* - аффикс дательного падежа;
3) *-ı//-i//-u//-ü* - аффикс винительного падежа;
4) *-an//-en* - аффикс причастия настоящего времени;
5) *-mış//-miş//-muş//-müş* - аффикс причастия прошедшего времени[16].

Исторически дело обстояло, по-видимому, так, что некоторые четырехвариантные аффиксы прежде были двухвариантными (чаще всего не имели губных вариантов даже при узких гласных: *-sız//-siz* при современном *-sız//-siz//-suz//-süz* - аффикс такого же значения, как в немецком *-los*, английском *-less*). При двухвариантных аффиксах мы имеем ассимиляцию гласных аффикса гласным корня по линии "нёбности" или "ненёбности": *at-lar-ımız-dan* "из наших коней" и *it-ler-imiz-den* "из наших собак", где *at* - конь, *it* - собака, *-lar//-ler* - аффикс множественного числа, *-ımız//-imiz* - аффикс принадлежности 1-го лица множественного числа, *-dan//-den* - аффикс исходного падежа*. Этот вид ассимиляции называется "нёбным притяжением", или "палатальной аттракцией". Кроме него, существует еще "губное притяжение", или "лабиальная аттракция", иначе говоря, ассимиляция гласных аффикса гласным корня по признаку их "огубления" или "неогубления". Подобно тому как при небном притяжении после нёбных гласных корня идут нёбные гласные аффиксов и наоборот, так и при губном притяжении после губных гласных корня идут губные гласные аффикса и наоборот. Пример положительного и отрицательного действия губного притяжения: *ot-um-un* "моей травы" и *at-ım-ın* "моего коня", где *ot* - трава, *at* - конь, *-ım//-im//-um//-üm* - аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа, *-ın//-in//-un//-ün* - аффикс родительного падежа. Из этого примера видно, что принцип губного притяжения, если только оно имеет место, осуществляется одновременно с принципом нёбного притяжения, которое, однако, имеет бо́льшую независимость, так как может проводиться и без губного притяжения (см. выше примеры 1 - 5 и примечание к ним). Отсюда вывод, что говорить о нёбном и губном притяжении, как об отдельно действующих процессах, нельзя, а следует иметь в виду единое нёбно-губное притяжение. И далее: процесс этот в части губной ассимиляции имеет более ограниченное применение, чем в части нёбной ассимиляции. Ограниченное действие губного притяжения основано на некоторых фонетических особенностях корней и аффиксов. К особенностям корней относится то, что широкие губные (*o*, *ö*) встречаются только в первом слоге корня (и вообще слова), а в последующих слогах могут быть только узкие губные (*u*, *ü*), например *dolu* (не *dolo*) "полный", *ölü* (не *ölö*) "мертвый". Таким образом, из объектов ассимиляции губных фактически исключается половина гласных (широкие *o* и *ö*) и остаются только узкие (*u*, *ü*); поэтому говорят: *otum* "моя трава", а не *ot-om*, *göz-üm* "мой глаз", а не *göz-öm*. Кроме того, довольно распространен тип слова *oda* "комната", *kulak* "ухо", с одной стороны, и *böcek* "червяк", *yüce* "высокий" - с другой, где в самом корне современного языка губное притяже-

* Аффикс *-ımız//-imiz//-umuz//-ümüz* четырехвариантный, но "губные" варианты его отпадают, так как в корне слов *at* и *it* стоит "негубной" гласный. Аффикс *-dan//-den* имеет еще варианты по линии согласных, но это в данном случае для нас не имеет значения.

ние фактически уже ликвидировано и, конечно, не может распространяться на вновь прибавляемые аффиксы. Между прочим, исторически положение часто было иным: современное *kapı* "дверь" произносилось *kapu*, *altın* "золото", как *altun*; весьма многочисленная категория таких слов в литературном языке* теперь сильно сократилась: ср. такие примеры, как *tabur* "батальон", *kalbur* "решето", после которых ставятся губные варианты четырехвариантных аффиксов: *tabur-um* "мой батальон", *kalbur-um* "мое решето". Помимо того, что действие губной гармонии ограничивается фактическим составом некоторых категорий коренных слов, это ограничение поддерживается и составом аффиксов. Как было сказано, часть аффиксов современного литературного языка фактически существует как синтез двух вариантов (и обязательно по линии нёбности), а часть – аналитически в виде четырех (т.е. по линиям нёбности и огубленности). Выше было указано, что аффиксы первой группы в качестве основного должны иметь широкий гласный, аффиксы второй группы – узкий. Перечень членов той и другой группы (они различны в разных тюркских языках) усваивается путем заучивания. Соотношение между членами обеих групп не одинаково в литературном языке и диалектах, как оно не было одинаково и в различные эпохи истории самого литературного языка (ср. такие старинные формы, как *al-up* "взяв", *gel-üp* "придя", *devlet-lü* "счастливый"[17] и т.д.). Тем более различна огласовка функционально общих аффиксов в различных языках тюркской семьи (ср. хотя бы в киргизском языке формы множественного числа типа *-lor* при турецком *-lar* и формы местного падежа типа *-do* при турецком *-da*).

Иностранные слова, усвоенные турецким языком в различные эпохи его жизни, сплошь и рядом по своему составу корня нарушали основной принцип ассимиляции гласных. Таковы были: арабские *kitap* (а не *kıtap*) "книга", *kalem* (а не *kalam*) "камышовое перо", *âlim* (а не *âlım*) "ученый", персидские *hane* (а не *hana*) "дом", *biçare* (а не *biçere* и не *bıçara*) "беспомощный", греко-итал. *tiyatro* "театр", итал. *lira* "лира" (денежная единица), фр. *kompartiman* "купе" и т.д. При оформлении этих слов турецкими аффиксами ассимиляция всегда проводилась, и при этом ориентировались на последний слог корня, т.е. *kitaplar* (а не *kitapler*) "книги", *haneler* (а не *hanelar*) "дома" и т.д. Часть подобных слов была "выправлена" в духе синграмонизма не столько в литературном, сколько в константинопольском разговорном языке и диалектах; в настоящее время почти все случаи такого рода приняты в литературный язык (одна из форм упрощения языка). Сюда относятся такие слова, как *saray* "дворец" – из литературного осм.-перс. *serāy* (отсюда фр. *sérail* и русское переводное "сераль"*); *zarzavat* "овощи", "зелень" – из осм.-перс.-ар. *sebzevat*; *çarşamba* "среда" – из осм.-перс. *çehārşenbe*; *maarif* "просвещение" – из осм.-ар. *meārif*; *fayda* "польза" – из осм.-ар. *faide*; *zaman* "время" – из осм.-ар. *zeman*; *duvar* "стена" – из осм.-перс. *divār* и др. Необходимо добавить, что этот процесс фонетической туркизации** заимствованных иностранных слов был не везде одинаков и что в наши дни он принимает особо широкие размеры.

Остановившись на фактах нёбного и губного притяжения, которые в грамматиках обычно называются "законом гармонии гласных", мы должны сделать следующее необходимое добавление. Тенденция так называемой прогрессивной (т.е. действующей вперед) ассимиляции [описанной выше] всегда сопровождалась диаметрально противоположной ей тенденцией так называемой регрессивной ассимиляции. Возможно, что иногда гласный аффикса, когда-то бывшего полноценным семантически и фонетически словом, оказывал влияние на гласные предшествующего ему, т.е. фактически управляемого им слова. Только таким образом можно понять формы *böyle*, *şöyle*, *öyle* "этак", "так", этимологический состав которых прозрачен: *bu + ile*, *şu + ile*, *o + ile* (*bu*, *şu*, *o* – три степени указательных местоимений, *ile* – послелог). Весь этот сложный процесс борьбы двух противоположных тенденций, в результате которых сложился современный тип турецкой гармонии гласных, может быть полностью освещен только в результате систематического исследования истории литературного языка и диалектов. Грамматики относят отдельные, необъяснимые для них следы этого процесса в отдел исключений. Ср. такие случаи, как: *elma* "яблоко", которое во всех тюркских языках звучит *alma****, *şiş-*

---

* В диалектах мы здесь имеем колебания в ту или другую сторону. Исторически тексты также знают колебания: *al-up* "взяв", при современном *al-ıp*, *gel-üp* "придя" при современном *gel-ip*.

* Русское "сарай" (с иным значением) заимствовано ближайшим образом из поволжско-татарского языка.

** Старые турецкие авторы употребляли здесь арабский термин *tahrif* (собств.: "изменение букв"), под которым понимали всякое вообще изменение заимствованного слова на почве турецкого языка (звуковое, семантическое).

*** Ср. станцию и реку Алма в Крыму, где в 1854 г. произошло известное Альминское сражение, а также Алма-Ата (по-казахски Алматы). По-монгольски и по-венгерски в этом слове также имеем *a*.

*kan** "толстый", *hangi?* "который?", при более древнем *hanġi ~ kanġi ~ qanġi*, *inanmak* "верить", *irak* "далекий", *işbu* "сей" (из старого *oşbu*), *kare*** вместо *kara* "черный" – в фольклоре и диалектах, там же *yare* "возлюбленная" – может быть, в отличие от слова *yara* "рана", *ela* "голубой" (о глазах). Интересно зарегистрировать проявления этого процесса, отмеченные в наши дни: "столичное" (еще стамбульское) произношение *kardeş* "брат" – при более старом *kardaş**** и, кроме того, целую категорию заимствованных арабских слов с конечным *t*. При этих словах "столичное" произношение признает только нёбные гласные аффиксов: *saat-im* "мои часы" вместо *saat-ım* (более старая и ныне реально существующая форма), *vakt-im* "мое время" вместо *vakt-ım* и само *vakit* "время" со вставным турецким *i* при арабском корне *vakt* < *waqt*. Теоретической формулировки к такому явлению пока еще не найдено. По всей вероятности, это частный случай более широкой тенденции стабилизировать некоторые аффиксы. Тенденция эта ярко отразилась в момент латинизации, чем и объясняется установленный единый тип аффикса *-leyin* (*akşamleyin* "вечером", *geceleyin* "ночью") и сложного аффикса *-iyle* (< i ‖ ı + *ile*) и *siyle* (< si ‖ sı + *ile*), например, *at-iyle* "с его конем" из *at-ı-ile* и *baba-siyle* "с его отцом" из *baba-sı-ile* наряду с естественными формами *el-iyle* "с его рукой" из *el -i-ile* и *deve-siyle* "с его верблюдом" из *deve-si-ile*.

Третий вид ассимиляции звуков аффикса звукам корня связан с отделом согласных и известен в грамматиках под именем гармонии согласных. По существу мы имеем здесь так называемую прогрессивную ассимиляцию по признаку звонкости или глухости, т.е. после звонких согласных корня должны идти звонкие аффиксы и обратно: *kar-dan* "из снега", *baş-tan* "из головы", *el-den* "из руки", *iş-ten* "с работы"; аффикс исходного падежа (*ablativus*) имеет, таким образом, четыре варианта: *-dan//-den//-tan//-ten*. Если разобранные выше четырехвариантные аффиксы начинаются на согласный, то число всех вариантов (четыре по линии гласных и четыре по линии согласных) удваивается и составляет восемь; соответственно с этим двухвариантные аффиксы при тех же условиях становятся четырехвариантными: *-dır//-dir//-dur//-dür//-tır//-tir//-tur//-tür* – аффикс сказуемости 3-го лица; *-da//-de//-ta//-te* – аффикс местного падежа (*locativus*). Аффиксы, которые начинаются с носовых и плавных (*m*, *l*), для которых в турецком языке нет глухих пар, остаются неизменными после любых согласных корня*: *baş-lar* "го́ловы", *kar-lar* "снега́"; *kaz-mak* "копать", *kaç-mak* "убегать". Сюда же относятся аффиксы с начальным *s*, которое в литературном языке остается неизменным и после звонких, и после глухих: *yaz-sa* "если он пишет", *kaz-sa* "если он копает"; в диалектах первая форма может звучать *yas-sa*[18]. Гармонию согласных, которую нельзя рассматривать как нечто отличное от двух видов гармонии гласных, объединяют с ними в одно целое под названием сингармонизм. В основном сингармонизм нужно признать специфической чертой современного турецкого языка.

Прежде чем говорить о некоторых других фонетических явлениях, остановимся на турецкой системе согласных. Звуки: [*f*], [*p*], [*b*], [*v*] (губо-зубное), [*m*], [*s*], [*ş*] (=русск.*ш*), [*t*], [*z*] (=русск.*з*), [*j*] (=русск.*ж*), [*d*], [*n*], [*r*], [*y*] (= нем.*j*), [*h*] (= нем.*h*) и аффрикаты [*ç*] (= русск.*ч*) и [*c*] (= англ.*j* в *judge*) пояснений не требуют. Звуки [*k*], [*g*] и [*l*] имеют два варианта: более передний и более задний, причем варианты *l* отстоят друг от друга особенно далеко, а в словах нетурецких по отношению к турецким составляют прямо две разные фонемы (*al* "алый" и *âl* "династия", по-русски: *ал* и *аль*). Оба варианта стоят в тесной связи с нёбным притяжением гласных: естественно, что задние варианты употребляются при гласных заднего ряда, а передние – при гласных переднего ряда. Примеры: *kul* "раб" – чит. *кул*, *kül* "зола" – чит. *кюль*, *gaga* "клюв" – чит. *гага*, *gül* "роза" – чит. *гюль*[19]. Исторически турецкий язык знал еще *ŋ* (заднеязычный носовой типа нем.*ng* в *lange*), весьма рано (с XIV в.) заменившийся через *n*, и особый звук *ğ*, произносившийся прежде (а в диалектах и теперь) как южнорусское (не украинское) *г* в словах "нога", "голова". В современном языке он, стоя при гласных заднего ряда, дает нуль звука, но на письме по традиции изображается, причем исчезновение его в конце закрытого слога связано с удлинением предшествующего гласного (так называемая вторичная долгота), например *sağ* "правый", "живой", "здоровый" – чит. *sā*, *dağ* "гора" – чит. *dā*, *ağaç* "дерево" – чит. *a'aç* (с *hiatus*'ом). Кроме того, среднеязычное *ğ*, стоя между гласными переднего ряда, в предшествующие эпохи подвергалось сильной палатализации и к нашему времени дало *y* (= русск.*й*) через ступень *ğy* (как бы русск.i^b, или точнее $ı_b$); на письме этот звук, весьма мало отличающийся от собственно *y*,

---

* Отсюда болгарские: Шишман и Шишманов. Слово исторически разложимо: *şiş-man*

** То же в Крыму (в фольклорных песнях).

*** Ср. еще в фольклоре *Horoz kardaş* "братец Петух".

* Иначе говоря, не реагируют на гармонию согласных, сохраняя только те варианты, которые связаны с гармонией гласных.

изображается по традиции через ğ (последний знак ğ, таким образом, имеет двойную функцию и является "слабым местом" в действующей турецкой орфографии). Примеры: *değil* (чит. *deyil*) "он не есть" (из более старого *değil*), *beğen* (чит. *beyen*) "одобряй" (из более старого *beğen*), *değirmen* (чит. *deyirmen*) "мельница" (из более старого *değirmen*).

Отголоски двух описанных исторических процессов мы имеем и в современном языке: конечные k_1 и k_2 (т.е. варианты фонемы *k*) корня, оказываясь в позиции между гласными (корня и аффикса), переходят в соответствующие звонкие: *ayak* "нога", *ayağ-ım* "моя нога"; *kirpik* "ресница", *kirpiğ-im* "моя ресница", *alacak* "тот, который возьмет", *alacáğ-ım* "я тот, который возьмет" = "я возьму", *gelecek* "тот, который придет", *gelecéğ-im* "я тот, который придет" = "я приду". В той же позиции вместо конечного *t* в словах, в которых первоначально имелся долгий гласный, восстанавливается старый звонкий согласный в положении между гласными (корня и аффикса): *at* "имя", *ad-ım* "мое имя", *ot* "огонь", *od-um* "мой огонь" – в противоположность образованиям *at-ım* "мой конь" (от *at* "конь") и *ot-um* "моя трава" (от *ot* "трава").

Арабские и персидские звонкие, стоящие в абсолютном исходе слова, при заимствовании в турецкий язык оглушаются и восстанавливаются лишь перед гласным турецкого аффикса: *kitap* (из араб. *kitāb*) "книга", *kitab-ım* "моя книга", *medet* (из араб. *meded*) "помощь", *meded-im* "моя помощь"[20].

Уже эти факты ставят под сомнение тезис о незыблемости корня, который настойчиво выдвигали старые турецкие грамматики. Но, кроме приведенных случаев, существуют и другие. Так как в турецком языке XIX и текущего веков по традиции прежних эпох в исходе слова не допускается стечение согласных, исключая комбинации согласного с плавным (*türk* "турок", *ilk* "первый", *kürk* "шуба") или согласного с *s* (*üst* "верх", *dost* "друг" – из перс.), то арабские и персидские слова с группой конечных согласных принимали на турецкой почве вставной узкий гласный соответствующего качества (по сингармонизму): *is-i-m* "имя" (из араб. *ism*), *ak-ı-l* "ум" (из араб. *'aql*), *vak-i-t* ~ *vak-ı-t* "время" (из араб. *waqt*), *öm-ü-r* "жизнь" (из араб. *'umr*), *şeh-i-r* "город" (из перс. *şehr*) и т.д. Но перед следующим гласным аффикса вставной гласный исчезает: *ism-i* (не *is-i-m-i*) "его имя", *akl-ı* (не *ak-ı-l-ı*) "его ум" и т.д.[21]. Таким образом, эти слова как бы имеют двойную основу: *isim* и *ism*, *akıl* и *akl*, *şehir* и *şehr* и т.д.

К перечисленной группе заимствованных слов примыкает группа турецких слов, в которых узкий гласный выпадает перед гласным аффикса: *boyun* "шея", но *boyn-u* (не *boyun-u*) "его шея", *ağız* "рот", но *ağz-ı* (не *ağız-ı*) "его рот", *burun* "нос", но *burn-u* (не *burun-u*) "его нос", *gönül* "желание", "сердце", но *gönl-ü* (не *gonül-ü*) "его сердце", *oğul* "сын", *oğl-umuz* (не *oğul-umuz*) "наш сын" и др. Здесь мы, по-видимому, имеем редукцию безударных узких: *boyún-ú* > *boyn-ú*, как мы об этом можем судить хотя бы по данным стихотворного фольклора, где старые формы сохранялись, скованные метром: *ağızımda diş kalmadı* "во рту у меня не осталось зубов" (не *ağzımda*, как в современной речи).

К явлениям того же порядка следует отнести и диссимилятивное выпадение согласного *k* (точнее, обоих его вариантов: k_1 и k_2), что связано с определенной морфологической категорией уменьшительных имен: *küçük* "маленький" > *küçü-cük* "малюсенький" вместо *küclük-cük*, *ufak* "мелкий" > *ufa-cık* "мельчайший", "крохотный" вместо *ufak-cık* и т.д.[22]

Интересно отметить, что в практике комбинаторного изменения гласных разговорная речь и диалекты идут впереди литературного языка, который только в сравнительно недавнее время легализовал некоторые формы, известные значительно раньше (главным образом, по фольклорным записям). Так приходится смотреть, например, на замену широких *a* и *e* соответствующими узкими *ı* и *i* в позиции перед *y*, что прежде, до латинизации, считалось вульгарным произношением: *arı-yor* "он ищет" < *ara-yor* (*aramak* "искать"), *al-mı-yacak* "он не возьмет" < *al-ma-yacak* и др. Эти формы являются больше принадлежностью газетной речи; старое произношение (с сохранением *a* и *e*) встречается еще у отдельных писателей[23].

В качестве детали, указывающей опять-таки на то, что звуковая стабилизация корня в турецком языке весьма относительна, нужно отметить момент возникновения *y* (точнее *i* неслогового), т.е. [протезы] *i* между гласным аффикса и корня: *ada-y-a* "острову" <* *ada-a* (откуда туркменское *adā*), *Ermeni-y-im* "я армянин"* <* *Ermeni-im*, *oku-y-ama-y-acağım* "я не смогу читать" <* *oku-ama-acağım* и т.д. Как было только что отмечено, широкий *a* и *e* в такой позиции (перед *y*) может вторично перейти в узкий *ı* или *i*, что однако, сопряжено с известными морфологическими категориями (их большинство), но не встречается в дательном падеже имен: *baba* "отец", *baba-y-a* "отцу", а не **babı-y-a*, *dere* "долина", *dere-y-e* "долине", "в долину", а не **deri-y-e*, а также в отрицательной форме 1-го лица множественного чис-

---

* Здесь уместно сослаться на туркменские дательные падежи гласных основ, которые оканчиваются на долгое *ā* или долгое *ē*, что является результатом стяжения двух широких гласных или же выпадения узких, предшествующих широкому гласному аффикса. Примеры: *ata* "отец" – *atā* (<*ata* + *a*) "отцу", *яшы* "хороший" – *яшā* "хорошему" (*яшы* + *a*) и т.д.

ла настояще-будущего времени: *yaz-ma-y-ız* "мы не будем писать", "мы не пишем обычно", а не **yaz-mı-yız*, *ğel-me-y-ız* "мы не придем", "мы не приходим обычно", а не **ğel-mi-y-ız*. Последний факт указывает, как и естественно, на связь перехода *a* > *ı* и *e* > *i* с вопросами ударения: переход обычно совершается в безударных слогах и задерживается в ударных. Кроме того, тормозящее влияние могут оказывать семантические различения, как то: *ara-y-a* "на средину" от слова *ara* "средина", "среди" и *arı-y-a* "ища" от *arа-mak* "искать". Наконец явление протезы также указывает на известную динамику звукового состава корня. В старом языке протеза применялась для иностранных заимствованных слов, в начале которых оказывалась группа (двух или более) согласных или же плавные *r* и *l* (последнее условие - только для диалектов). Реализовалась она при посредстве узких *ı*, *i*, *u* (редко *ü*) по возможности с учетом гармонии гласных, а чаще без него: *i-stasyon* "станция", "вокзал" из фр. *station*, *i-skele* "пристань" из итал. *scala*, *ı-hlamur* "липа" из греч. φλαμούρι, разговорные: *U-rum* "турецкий грек" из книжного (араб., перс., тур.) *rum* из *Rum* < *Rom* (а) ("Второй Рим", т.е. Византия), *ı-lâzım* "нужный" из араб. *lâzım*. Народная этимология относит сюда же названия городов *İ-stanbul*, *İ-zmir*, *İ-zmit* и др., в основе которых лежат греческие имена с двумя начальными согласными. Интересно, что в новом литературном языке протеза устранена, и западные заимствования выступают уже в форме, более близкой к оригиналу: *staj* "стаж", *striknin* "стрихнин", *program* "программа" и т.д., хотя в разговоре возможно встретить и произношение *s-i-taj*, *p-ı-rogram* и т.д.[24]

Приведенные нами факты (протеза, редукция гласных в связи с ударением, чередование глухих и звонких и т.д.) указывают на то, что корень турецкого слова не является абсолютно неизменным в фонетическом отношении, как это утверждали прежние грамматики. То же в значительной степени относится и к ударению, которое также предполагалось стабильным (на последнем слоге от конца). Новые работы по этому вопросу (Прёле, Нильсен, Ракетт)[25] и исследования монголистов на своем материале (Г. Рамстедт, акад. Б.Я. Владимирцов и другие) поколебали это старое представление об ударении в тюркских языках. Ныне почти всеми признается, что, кроме экспираторного ударения (на форманте), в турецком языке наблюдается музыкальное (на последнем слоге неразложимого корня), например *báş-lı-cà* "главный". Различные комбинации этих двух типов ударения, а также степень усиления и ослабления их являются особой темой для изучения. Именно принципиальное наличие двух ударений и заставляло принять тот тезис, что в турецком произношении не наблюдается той резкой редукции безударных гласных, как, например, в русском языке. При работе над турецким ударением необходимо

учитывать роль ударения как фактора морфологической дифференциации: в этом свете и нужно рассматривать те случаи исключения (ударение не на конце), которые оговариваются в грамматиках в связи с отдельными морфологическими категориями, а не как известная система. Мы насчитали девять случаев такой дифференциации: 1) форма принадлежности и форма сказуемости: *adam-ím* "мой человек" и *adám-ım* "я - человек"; 2) отглагольное имя на *-ma* и отрицательный императив 2-го лица единственного числа *atmá* "бросание" - *átma* "не бросай"; 3) отыменные глаголы на *-la* и именные конструкции с послелогом *-la* (< *ile*): *baş-lá* "начинай" - *báş-la* "головой", "с головой"; 4) местный падеж и комбинация имени с аффиксом *-da*: *adam-dá* "у человека" - *adám-da* "человек тоже", *taş-tá* "на камне" - *táş-ta* "камень тоже"; 5) винительный падеж имени в форме принадлежности 1-го лица единственного числа и сочетание безаффиксного имени с аффиксом вопроса *-mi?*: *baba-mí* "моего отца" - *babá-mı?* "отец ли?"*; 6) аффикс *-ca* как элемент словообразования (омертвелый тип) и как элемент словоизменения: *taban-cá* "пистолет" - *tabán-ca* "в отношении ступни", т.е. своего рода Accusativus Graecus от *taban* "ступня", *çekme-ce* "выдвижной ящик", но *bén-ce* "по-моему" - от слова *ben* "я".

Надо добавить, что последняя категория иногда переходит в отдел словообразования: *rús-ça* не только "по-русски" (более старое значение), но и "русский язык" (в этом значении склоняется по падежам), *türk-çe* не только "по-турецки", но и "турецкий язык"; 7) родительный падеж имени и краткая форма императива 2-го лица множественного числа: *atín* "коня" - *átın* "бросайте"; 8) герундий будущего времени (*sic!*) 1-го лица единственного числа и будущее время 1-го лица единственного числа; *alacağ-ím* "то, что я возьму" - *alacáğ-ım* "я возьму". Семантически этот тип нужно рассматривать как частный случай первого; 9) дифференциация имен в функции имен и в функции наречий: *artík* "остаток" - *ártık* "уже", "отныне", "с этих пор", *nihayét* "конец" - *níhayet* "наконец", *gayét* "конец", "цель" - *gáyet* "весьма", "чрезмерно". Ударение как морфологический фактор ощущается также в формах обращения, где установлена так называемая депласация ударения (фактически перенос его от конца к началу): *arabací* "извозчик" - *árabacı* "изво-о-зчик", *Ahmét* "Ахмет" - *Áhmet!* "Ахме-е-т!", *caním* "моя душа" - *cánım* "милый мой!".

---

* На письме каждая пара случаев совпадает, кроме 4-го и 5-го типов, где имеем слитное и раздельное начертание: *adamda* - *adam da*, *babamı* - *baba mı*.

Вообще перенесение ударения с конца связано с оттенком эмоциональности; так объясняется, например, акцентуация императива 2-го лица множественного числа: *álın!* или *álınız!* "бери-и-те!", "возьми-и-те!".

Арабские и другие заимствованные слова до последнего времени сохраняли (в литературном языке) ударение прототипа: *cümle* "все", "совокупность" – из араб., *Galáta* "Галата" – из греч. и т.д. Отдельные турецкие морфологические элементы, еще не дошедшие до стадии аффикса (т.е. "служебные слова" и "полуаффиксы"), часто бывают энклитиками (независимо от условностей орфографии: раздельного или слитного начертания). Примеры: *alír-ken* из *alír-iken* "пока брал", *ál-madan* "не беря", "пока не брал", *álmak-sızın* "без того, чтобы брать" – *ohne zu nehmen*, *benim için* "для меня", *demír gibi* "как железо" и т.д. Все формы недостаточного вспомогательного глагола *imek* (< *ir-mek*‖*er-mek*), ныне превращающиеся в аффиксы-энклитики: *çocúk-tu* < *çocuk idi* "он был ребенком", *gelir-se* < *gelir ise* "если придет", *mühendis-miş* < *mühendis imiş* "он, кажется, инженер" и т.д. Относительно настоящего времени *al-ı-yor*, последняя часть которого несомненно восходит к отдельному слову: "беря" + "идет" (работы акад. Ф.Е. Корша, К. Фоя и других), существует спор о месте ударения *alíyor* или *alıyór*, теоретически решенный В. Вангом в пользу первого варианта, с чем приходится согласиться. В грамматиках существует неясность по поводу места ударения таких форм: 1) *alírlar* "they take" или *alır-lár*, 2) *bením-ki* "le mien" или *benim-kí*, хотя все сходятся на акцентуации параллельной формы *bende-kí* "celui qui est chez moi". Наконец в хорошем литературном произношении старого поколения различались рудименты инструментального падежа: *kíş-ın* "зимой", *yaz-ın* "летом" и *yár-ın* "завтра" от родительных падежей *kış-ín* "зимы", *yaz-ín* "лета". Так, по крайней мере, акцентуировал эти формы один из лучших знатоков турецкой разговорной речи московский преподаватель С.К. Церуниан[36].

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Выше (во "Введении") мы уже отметили основные пласты турецкого словаря. Мы видели, как в силу исторических причин турецкий язык постепенно обогащался рядом слов и терминов, которые чаще всего приходили именно "вместе с новыми понятиями". Пришедший на смену старому шаманизму ислам наложил особенно сильный отпечаток на турецкую лексику. С этих пор все, относящееся к религии, а также к науке и праву, каковые мыслились тогда в неразрывной связи с исламом, могло быть обозначено только арабскими

словами; известный процент этого колоссального отдела с течением веков просочился и в язык массы. Литература и искусство (главным образом архитектура, музыка и поэзия, так как живопись, скульптура и театр запрещались исламом), при своем арабо-персидском существе, действовали в том же направлении, причем часть арабизмов поступала в турецкий язык через иранское посредство. Сложная структура турецкого государственного аппарата, в сильной степени сохранившего византийскую систему централизации, обслуживалась арабской, персидской и греческой номенклатурой. В промышленности, торговле и финансах сказывалась отчасти роль итальянских республик, откуда наряду с другими языками Европы турецкий получил такие термины, как *bórsa* "биржа", *kámbiyo* "вексель", *bánka* "банк", *piyása* "рынок" и даже *líra* "турецкая золотая монета". При посредстве Италии турки познакомились с Англией, как это видно из следующих форм: *Ingiltére* "Англия" (итал. *Inghilterra*), *Lóndra* "Лондон" (итал. *Londra*), *İngliz* "англичанин" (итал. *inglese*), а также с Австрией (*Viyana* "Вена" < итал. *Vienna*) и Швейцарией (*Isviçre* < итал. *Svizzera*).

Морское дело как нечто новое для турок было усвоено от греков и итальянцев; естественно, что вся морская терминология, отражающая старую технику (XIV–XVI вв.), покоится на среднегреческой и итальянской номенклатурах. Многие из этих терминов – *bálya* "кипа" < итал. *baglia*; *alárga* "открытое море", "дальше" (!) < итал. *a largo* (*mare*) – дожили до нашего времени. Морская флора и фауна, равно как флора и фауна Средиземноморья и Балкан, также усвоены турецким языком в форме среднегреческих и итальянских (реже славянских) обозначений. Наконец армия – эта база военной мощи старой Турции – в основном обслуживалась турецкой номенклатурой вплоть до того момента, когда в первой трети XIX в. вместе с ликвидацией корпуса янычар была организована новая регулярная армия с французскими инструкторами.

Традиционные экономические [и политические] сношения Турции и Франции, восходящие к средним векам, отразились в турецкой лексике на ряде самых различных фактов. Полагают, что во Франции был сделан турецкий заказ по чеканке монет, которые по своей грубой отделке получили латинское название *grossus*, откуда турецкое *guruş* > *kuruş* "пиастр" и далее – разными путями – русское "грош". Через Францию турки познакомились с Германией, что подтверждают турецкие слова *alman* "немец" (фр. *allemand*) и *Almanya* "Германия" (фр. *Allemagne*). В новое время Франция стала для Турции тем же, чем была Германия и Голландия для России эпохи Петра I. К середине XIX в. группы молодых людей отправлялись в Париж для получения образования; французская техника, наука и литература успешно конкурировали

на турецкой почве со средневековыми арабскими традициями. Характерна хотя бы такая деталь, как железнодорожная терминология: *tren* ~ *tiren* "поезд" < фр. *train*; *vagon* "вагон" (не *Wagen!*) < фр. *wagon*; *istasyon* "станция", "вокзал" < фр. *station*, *kompartiman* "купэ" < фр. *compartiment*, *şimendifer* "железная дорога" наряду с переводной калькой *demir yol* ~ *demir yolu*. XIX век – расцвет французского влияния в экономике, культуре и, естественно, языке Турции. Напрасно группа пуристов высмеивала крайнее, безудержное увлечение всем французским, пародируя словообразование типа *uydurma-syon* "выдумка" от *uydurmak* (для англоманов появилась форма *uydur-meşin*), и направляла свои стрелы на довольно обычную бытовую фигуру типа русских "щеголей" и "щеголих" XVIII в., которая в Турции носила характерную кличку: *Fatli su frengi* "франк со Сладких Вод"*. Подражая всему французскому, турецкие авторы в своих произведениях приписывали Турции целые эпизоды парижской жизни, которых тогда не знала "страна Полумесяца": так появились в турецкой литературе теоретические для тогдашней Турции "дамы с камелиями", игорные дома, казино и т.д. (ср. хотя бы известный роман Намык Кемаля "Предостережение или приключения Али-бея")**. Несмотря на взрыв национализма в литературе (Мехмет Эминбей) в конце XIX и начале XX в., французское влияние в языке и литературе осталось характерной чертой новой Турции. Французский язык и теперь как бы второй язык Турции. Поэтому можно сказать, что удар по арабизмам и фарсизмам, который мы наблюдаем теперь, технически был подготовлен победой галлицизмов. Этому не противоречит временное преобладание германского влияния в Турции (примерно с 1870 по 1918 г.), которое, распространяясь на политику [и экономику], очень мало успело отразиться на языке, где германизмы насчитываются буквально единицами. Не могла конкурировать с потоком галлицизмов и та лексика, которую внес в турецкий язык английский по части новой морской техники (*istim* "пар" < англ. *steam*, *drednot* "дредноут" и др.), светского быта и спорта (*boksör* "боксер", *futbol* "футбол" и т.д.), хотя число англицизмов в турецком словаре больше, чем число германизмов. Интернациональный сектор турецкого словаря пополнялся (и пополняется) при посредстве французского языка. Эпизодическую роль

---

* Гулянье под Константинополем: Faux Douces у П.Лоти, К.Фаррера и других авторов.

** Невольно припоминается *mutatis mutandis*, что ранние римские комики в своих подражательных произведениях предвосхитили появление греческой гетеры в быту сурового тогда республиканского Рима.

в истории турецкого словаря играли такие языки, как румынский, албанский, грузинский, армянский и южнославянские. Их отражения нужно искать по линии быта в женской (и специально гаремной) среде, где томились невольницы разных национальностей, купленные султанами, беями и пашами для своего гарема. Кроме того, старая Турция знала садовников-греков, пастухов-болгар и сербов, каменотесов из черногорцев и албанцев, которые приходили на заработок даже в султанскую столицу. Отсюда, быть может, отдельные лексические отзвуки в роде обращения *bre* "эй вы!" (по-видимому, из албанского – *morε*), название улицы в Константинополе – *Voyvoda sokağı* "Воеводина улица", *kapuska* "кушанье из капусты" и др. Позднее с подъемом национально-освободительного движения среди сербов и болгар в турецкий язык вошли такие слова, как *çete* "партизанский отряд" (чета – повстанческий отряд). Русский язык отражался в старом турецком словаре небольшим количеством терминов. Интересно слово *telâtin* "юфть" (собствен.: "телятина"), запечатлевшее старинную статью русского экспорта, *ruble* "рубль", *kapik* "копейка", *put* "пуд"; кроме этих экономических терминов, – ряд слов, связанных с русско-турецкими войнами: *kazak* "казак" (для турецкого языка – это русское слово!), *moskof* "москаль" (ныне не в ходу) и др. Турецкий быт и материальная культура пользовались и пользуются терминами ряда языков. Достаточно отметить "дистанцию огромного размера" от обеденного стола (вернее, доски на полу) – араб. *sofra*, до стола европейского типа *masâ* (по-видимому, рум. *masă*) и от тюфяка на полу: *yatak* "постель" до кровати на ножках *karyola* (старо-итал. *carriuola*, собств.: "повозка"). Домашняя обстановка, одежда, еда и прочее – все это даст очень интересные материалы для истории языка. Особого внимания заслуживают турецкие цеховые организации ремесленников, своими корнями уходящие в средневековье и сохранявшиеся до недавнего времени. Ремесленные цехи, включавшие работников самых широких отраслей физического и умственного труда, в прошлом централизованные и подчиненные интересам турецкой армии, иногда играли роль своеобразной оппозиции и были тесно связаны с дервишскими и другими организациями, которые противостояли ортодоксальному исламу.

Многообразный круг профессий, производств и национальностей (армяне, греки и др.), объединенный вокруг цехов и их терминологий, – один из важнейших очагов старой турецкой лексики.

Особое место в современном турецком словаре занимают советизмы. Они распространялись как в области общей политической терминологии (ср. такие слова, как *Sovyet*, *bolşevik*, *Komintern* и др.), так и в отдельных

конкретных отраслях государственной жизни, как постройка текстильного комбината с привлечением советской техники и др.[37] Вопрос о советизмах в турецком языке представляет особую большую тему.

В результате всех этих моментов, каждый из которых нуждается в особом детальном освещении и здесь нами только намечен, состав турецкого словаря необычайно сложен – как по части общей, так и по части специальной терминологии. Приведем один пример. Автор настоящей работы произвел анализ турецкой ботанической терминологии с целью выяснить ее состав и обнаружил в ней, кроме собственно турецкого слоя, ряд позднейших напластований. Роль латинских канонизованных терминов ботаники в турецкой практике до последнего времени выполняли арабские названия. Конечно, турецкая ботаника пользуется и международной ботанической номенклатурой (латинской), но только в турецкой ученой среде и могли поддерживаться те сложные арабские названия, которые были недоступны широким массам. Этой линии – научных ботанических арабизмов – противопоставляется другая принципиальная линия – народной, или бытовой, номенклатуры. Так, например, "подсолнечник" (*Helianthus annus*) называется арабским термином *aynisafa* и параллельно турецким *ayçiçeği* "лунный цветок". Иногда бытовое название точно соответствует научному, например *sığırdili* "воловик" (букв.: "язык коровы") и *lisani sevir* "язык быка". Но чаще всего это бытовое название, возникая независимо от научного, обнаруживает в себе поразительную международную устойчивость термина, например *kazayağı* русск. "гусиная лапка" (*Potentilla anserina*) или *güzel hatun* "красивая женщина" = "белладонна" (*Atropa belladonna*). Некоторые бытовые названия носят чисто турецкую национальную окраску, например *bektaşiüzümü* "крыжовник" (букв.: "виноград [дервишей] бекташи"). К этим двум категориям терминов, арабско-персидской и бытовой (турецкой), присоединяется иногда категория триплетов, а иной раз и квадриплетов. Последние два создаются за счет заимствований с Запада (греческие, итальянские, французские и другие слова). Так, для слова "малина" имеем: 1) тур. *ağaççileği* (досл.: "древесная ягода"), 2) перс. *ahududu* и 3) греч. *ismaula*. Подобного рода триплеты дают иногда ценный материал: ср. *portakal* "апельсин" (видна роль португальского экспорта в средневековой торговле Леванта), *fulya* "нарцисс", свидетельствующий о проникновении в Турцию итальянской культуры нарцисса, который до этого назывался персидским словом, и многие другие. Слово *fındık* "орех" (*Coryllus Avellana L.*) попало к туркам от византийцев в форме πονπίκ(όν) и в новое время вернулось обратно в греческий язык в форме φουντούκι (<*funduk* ~ *fındık*).

Другие отделы терминологии еще совершенно не изучены и ждут своего исследователя[38].

Что касается динамики современного турецкого словаря, то основным стержнем его перестройки, которая проводится нарочито и в государственном порядке, следует считать вопрос об арабизмах и фарсизмах. Несомненно, что экономическая терминология современной Турции уже не укладывается в тесных рамках старой лексики и ломает их; тем не менее процесс этот углубляется еще более общими установками культурного строительства новой Турции, о которых мы говорили во "Введении".

Источников пополнения словаря за счет отметаемых элементов три: 1) внутренние ресурсы современного турецкого языка, поскольку они выясняются путем изучения диалектов, 2) интернациональный сектор на базе западных языков (главным образом французского), 3) продукт личного словотворчества. Как мы уже говорили выше, первый путь имеет, по-видимому, весьма скромное применение; зато непомерно расширен третий, который оперирует со всей сложной клавиатурой тюркских и иных языков разных эпох (уйгурский, якутский, куманский, чувашский словари и т.д.), а также обращается и к чисто эсперантистскому методу составления слов. При этом обозначения отвлеченных понятий составителям удаются хуже, и тогда они прибегают к компромиссному пути фонетической туркизации арабизмов[39].

Переходя непосредственно к вопросам семантики, следует начать с того, что эта многообещающая область совершенно не разработана. Поэтому, не задаваясь целью представить какую-либо систему, укажем на отдельные факты семантического порядка, достаточно яркие и в то же время слабо или неверно разработанные грамматиками (если таковые вообще разрабатывались).

По поводу семантики грамматических категорий остановимся сперва на указательных местоимениях. Здесь имеется трехстепенный ряд: *bu-şu-o*. Как уже давно подметил В.А. Гордлевский, этот ряд надо рассматривать не только в местном (топографическом), но и во временно́м (хронологическом) отношении. Идя дальше, можно установить, что здесь мы фактически имеем контаминацию двух семантических рядов: местного *bu-o* ("этот близкий" – "тот далекий") и временно́го *bu-şu* ("этот вышеупомянутый" – "тот нижеследующий"). Связующим звеном между общими рядами является, несомненно, *şu*: *şu* может заменять *bu* в первом ряду, если речь идет о предмете, пространственно близком, но незнакомом, еще не бывшем предметом нашего опыта*. Большой

---

* Подробнее см.: Н.К. Дмитриев, *Указательные местоимения в османском языке* ("Доклады АН СССР", серия В, Л., 1926).

интерес представляют также служебные имена (*üst* "верх", *alt* "низ", *arka* "спина", *iç* "нутро" и т.д.), которые, оставаясь по форме существительными, семантически функционируют как своего рода предлоги, обрисовывающие пространственные отношения предметов в связи с глаголами движения в его начальной, конечной и нулевой фазе. Отсюда их диапазон – три "пространственных" падежа (исходный, дательный, местный), и отсюда же трудность перевода этих конструкций, отображающих конкретность некоторых языковых категорий, на языки других семей. Примеры: *arka* "спина", "зад"; *ağaç* [или *ağacın*] *arkasından* (букв.: "из спины дерева" = "из-за дерева"); *ağaç arkasına* (букв.: "в спину дерева" = "за дерево"); *ağaç arkasında* (букв.: "в спине дерева" = "за деревом"). Ср. еще: *ön* "передняя часть", "перед"; *ev* [или *evin*] *önünden* (букв.: "исперед дома" = "от дома спереди"); *ev* [*evin*] *önüne* (букв.: "вперед дом" = "к дому спереди"); *ev* [*evin*] *önünde* "перед домом". Слово *yan* "бок", "сторона"; *ev* [*evin*] *yanından* (букв.: "от бока дома" = "от дома сбоку"); *ev* [*evin*] *yanına* (букв.: "к боку дома" = "к дому сбоку"); *ev* [*evin*] *yanında* (букв.: "в боку дома" = "около дома"). Служебные имена можно классифицировать по их направленности: пространственные отношения вертикального и горизонтального плана, а также, разумеется, и по их историческому развитию. Характерно, что понятия "на" и "над" по-турецки не различаются: "на столе" и "над столом" передается в сущности одним словом*.

Интересны некоторые особенности семантики послелогов (*postpositiones*). *Gibi* выражает сравнение по качеству: *benim gibi genç* "как и я, молодой", а *kadar* – сравнение по количеству: *benim kadar genç* "столь же молодой, как и я". Слово *için* вообще выражает и цель, и причину: *mektep için* = 1) для школы, 2) из-за школы; тем не менее при инфинитиве *için* выражает только цель: *almak için* "чтобы взять", а при форме на *dik* – только причину: *aldığım için* "так как я взял". При этом конкретная цель выражается дательным падежом: *suya gitti* "он пошел за водой", а более абстрактная – конструкцией с *için*.

Глаголы движения в турецком языке дифференцируются не по способу (ср. русские "идти" и "ехать"), а по направлению (к говорящему и от говорящего). С этой точки зрения такая фраза, как: "откуда и куда вы едете?", по-турецки должна была быть передана так: "откуда вы *приходите* (т.е. ко мне) и куда вы *уходите* (т.е. от меня)?". *Gelmek* "приходить", *gitmek* "уходить".

Глаголы *yürümek* и *varmak* – нейтральные в смысле направленности движения: первый из них обозначает процесс действия ("шагать", "двигаться" – безразлично куда), а второй – достижение цели движения ("идти", "доходить" – но безразлично куда с точки зрения нашего местопребывания). Этот же смысловой ряд продолжают *getirmek* "приводить" и "привозить" (образовано от *gelmek*) и *götürmek* "отводить", "отвозить" (исторически значило "поднимать"). Движение, связанное с подъемом на предмет подвижный, обозначается глаголом *binmek* "влезать", "садиться на ..." (коня, поезд, трамвай и т.д.); движение, связанное с подъемом на предмет неподвижный, обозначается глаголом *çıkmak* "влезать на ..." (лестницу, крышу, гору, дерево). Обратный первому глагол *inmek* "спускаться" распространился и вытеснил старую противоположность второму *düşmek* "спускаться с неподвижного предмета" (современное значение: "падать", "попадать"). Что касается самого глагола *çıkmak*, то в горизонтальном плане он обозначает "выходить" в противоположность *girmek* "входить".

Глаголы со значением "жить" выражаются по-турецки словами: 1) *yaşamak* "жить", т.е. "стареть" (понятие биологическое), 2) *geçinmek* "жить" = "перебиваться", "сводить концы с концами" и 3) *oturmak* "жить", "сидеть", т.е. "проживать там-то". Интересно, что понятия "жить" и "сидеть" формально не дифференцированы, поскольку в старой Турции за отсутствием столов, стульев и кроватей жизнь "протекала" на полу, на универсальных коврах и подушках. Прежде чем взяться за какое-либо дело, надо было "встать" с пола, и потому глагол *kalkmak* "вставать" употребляется, например, в фольклоре необычайно часто и там, где мы бы даже и не ожидали его; иначе говоря, он предваряет всякое другое действие (ср. *mutatis mutandis* гомеровское βᾶ δ' ἰ'μεν). Если "сидеть" = "жить" считалось нормальным положением всякого, то понятно, почему некоторые старые историки, упоминая о народных волнениях, пользуются такими выражениями: "народ начал поднимать голову" – *baş kaldırmağa* – или "начал поднимать ноги" – *ayak kaldırmağa başladı*.

Любопытна далее семантика таких глаголов, как *basmak* – первоначально "давить ногой", откуда следующие линии: 1) "давить ногой" – "оттискивать" – "отпечатывать" – "печатать" и 2) "давить ногой" – "захватывать" – "нападать" – "громить" – "угнетать". (Отсюда и узбекское "*басмачи*" – единственное число, осмысленное по-русски как множественное, от несуществующего по-узбекски слова "*басмач*").

---

* См. мою статью "Служебные имена в турецком языке" в сборнике "Советское языкознание", т.III, Л., 1937.

Интересен глагол *sürmek* "гнать" – "тереть" –"пахать" – "продолжаться", к которому восходят такие деривaты, как *sürgün*: 1) "ссылка", "ссыльный", 2) "понос"; *sürgü* "борона"; *sürü* "стадо"; *sürme* "сурьма для подведения глаз"; *sürüm* "сбыт", "тираж", "партия товара".

Слово *çekmek* означает: "тянуть", "тащить" – "взвешивать на старинных весах" – "переживать горе", т.е. "тащить его на себе"; *kürek çekmek* "грести" (букв.: "тащить весла"); *telgraf çekmek* "телеграфировать" (букв.: "тянуть телеграмму"); *elem çekmek* "тосковать", "переживать тоску".

Глагол *dolmak* "быть наполненным" – "быть начиненным фаршем" (капустники и т.д.) – "быть заряженным" (ружье).

Глагол *okumak* "читать" – "учиться" (по примитивному методу, читая вслух) – "рецитировать" – "петь". Глагол *konuşmak* "останавливаться на ночлег совместно с кем-нибудь", "разговаривать" (*sic!*).

Глаголы: *doğmak* "родиться" – "восходить" (о солнце, луне) и *batmak* "тонуть" – "вязнуть" – "заходить" (о солнце, луне).

Глаголы *oturmak* "сидеть" и *durmak* "стоять", если при них местный падеж (где?), могут обозначать "садиться" и "стать", коль скоро при них стоит дательный падеж (куда?). Таким образом, одно и то же слово может означать и статику и динамику движения.

Verba faciendi: *yapmak* "делать", "строить", "мастерить", *etmek* "делать", "совершать что-нибудь" (в переносном смысле), *kılmak* "творить" (обряды).

Глаголы "посылать": *göndermek* (нем.*senden*) и *yollamak* (нем.*schicken*).

Görmek "видеть"; в идиомах: *iş görmek* "работать", "заниматься" (букв.: "видеть дело"), *terbiye görmek* "получать воспитание" (досл.: "видеть воспитание"), *hesap görmek* "рассчитаться" (досл.: "видеть счет").

Bakmak "смотреть" – "заботиться" – "ухаживать".

Глаголы бежать : *koşmak* (нем. *laufen*) и *kaçmak* (нем. *fliehen*).

Глаголы *dövmek* "бить", "ковать" и *dökmek* "сыпать", " лить" восходят к одному [глаголу], и их смысловая дифференциация сопровождается фонетической дифференциацией. Глагол *çalmak* "бить", "ударять" – " стучать в дверь" – "играть на музыкальном инструменте" – "заколоть животное" (ударом в горло) – "украсть" – "стырить" (по линии арго).

Глагол *dikmek* "втыкать что-либо вертикально" – "втыкать иголку в материю" – "шить" – "уставить глаза на что-нибудь" – "сажать деревья в землю" – "поднимать флаг" – "осушать бокал" (по линии арго).

Что касается семантики отдельных глагольных форм, то отметим, что отглагольные имена одновременно обозначают и процесс действия, и его конкретный [предмет действия или] результат: *vermé* 1) "давание", 2) "то, что

дается"; *verdiğim* 1) "мое давание", 2) "то, что я даю". Отдельные слова этого типа могут закрепляться за каким-либо конкретным значением и выходить из общей схемы.

Яркую особенность турецкого глагола, отмечавшуюся еще акад.Ф.Е.Коршем, представляет "понудительный" (=фактитивный, каузативный) залог, который обозначает вмешательство одного субъекта в действие другого, будь это в форме активного принуждения или приказания или же в форме пассивного попустительства. Примеры: *yaz-mak* "писать", *yaz-dır-mak* "заставить писать", "велеть писать", "позволить писать". Интересно, что основные, исходные формы глагольных понятий и производные от них по-русски и по-турецки не совпадают, например *öldürmek* "убивать" – по-турецки есть производная величина от *ölmek* "умирать", т.е. "убивать" = "заставлять умереть"; *pişirmek* "варить" есть по-турецки производная величина от *pişmek* "вариться", т.е. "варить" – "заставлять вариться". Теоретически каждый глагол допускает вторую, третью и т.д. степень понудительности (т.е. заставить одного, чтобы он заставил второго и т.д.), но фактически это бывает редко. См., например, интересное выражение: *doktora diş çıkarmak* " заставить доктора, чтобы он заставил зуб выйти", "вытащить зуб" (при посредстве врача)[30].

МОРФОЛОГИЯ

По морфологическим признакам турецкий язык относят к агглютинативным языкам, и это положение остается в силе, хотя, как мы видели выше, степень агглютинации в нем несколько меняется главным образом за счет утраты той "классической" неизменяемости корня, на которой особенно настаивали старые грамматики. Тем не менее единый тип морфологического оформления основы и, в частности, единый тип склонения и спряжения продолжает сохранять свое монопольное положение. Турецкий язык не знает никаких "сильных", "слабых" и "смешанных" склонений, никаких "правильных" и "неправильных" глаголов: имеющиеся индивидуальные вариации всегда объясняются законами фонетики, морфологические же показатели, присущие определенной категории, всегда остаются одни и те же[31].

С точки зрения морфологического состава слова в нем следует различать: основу (корень) и аффикс. Основа представляет собой устойчивый фонетический звуковой комплекс, который характеризуется определенным семантическим единством и функционирует самостоятельно как обозначение предмета, признака предмета, действия или грамматического отношения. Аффикс представляет собой звуковой комплекс, который фонетически зависит от основы

и потому варьируется и который, не функционируя самостоятельно, приобретает семантическое единство только в соединении с основой. Интересно отметить, что семантика некоторых турецких аффиксов (см., например, *-lik*) в современном языке столь многообразна, что реализуется только в конкретном случае, когда он получает одно значение из нескольких возможных.

Эти семантические варианты во многих случаях существуют параллельно звуковым вариациям (сингармонизму).

Термин "аффикс" требует пояснения, поскольку в грамматиках держится разноречивая терминология. Нам кажется, что нет оснований заменять его ни словом "суффикс", ни тем более словом "приставка". Понятие "суффикс" есть нечто противоположное "префиксу" и, конечно, уместное для тех языков, где есть префиксы, суффиксы (и даже инфиксы). В турецком же языке существует только один путь морфологического развития слова: последовательное прибавление формантов к концу основы, причем непосредственно за основой идет первый формант, за первым - второй и т.д., например:

baba-lar-ımız-da-ki-ler-den
основа ф.1 ф.2 ф.3 ф.4 ф.5 ф.6

(перевод этого одного слова: "из тех, которые находятся при наших отцах").

При такой системе говорить о суффиксах, которые прибавляются справа, как противоположность префиксам, прибавляющимся слева, никакой реальной ценности не имеет: правильнее взять единый (недифференцированный) термин "аффикс", употребляя его как родовой, в противоположность видовым терминам (суффикс, префикс, и т.д.) языков других семей, которые нуждаются в такой дробной номенклатуре[32]. Термин "приставка", употреблявшийся некоторыми русскими грамматиками, не подходит потому, что его иногда смешивают с префиксом: лучше бы было "подставка".

Заметим кстати, что, несмотря на старание некоторых найти в турецком языке префиксы, попытки эти тщетны: 1) "интернациональные" префиксы (см. заимствованные турками: *enstitü, angaje, revolver*) принадлежат, конечно, не турецкому языку и новых турецких образований на турецкой почве не дают; 2) турецкие же образования типа *yem-yeşil* (букв.: "зел-зеленый" = "зеленый-презеленый"), *mas-mavi* (букв.: "гол-голубой" = "голубой-преголубой") никакими префиксами не снабжены, так как элементы *yem* и *mas* в сказанном значении (так называемая интенсива) употребляются не в целой категории слов, а только при одном приведенном слове. Едва ли можно назвать префиксом элемент, который "на пространстве всего языка" действителен только для одного слова и, что особенно важно, отнюдь не обнаруживает тенденции к дальнейшему расширению[33]. Процесс последовательного наращения аффиксов к концу основы (агглютинация) неразрывно связан с процессом звуковой ассимиляции аффикса - как величины несамостоятельной - предшествующей ему основе, как своего рода величине независимой (сингармонизм). Выше мы уже говорили об этом и указывали тот фонетический диапазон (число вариантов), который имеют турецкие аффиксы. Важно отметить, что по своему содержанию турецкий аффикс является показателем какой-нибудь одной категории (падежа, числа, времени, лица, наклонения, залога и т.д.) и не может указывать сразу на несколько категорий, как русское "стол-ов", где *-ов* одновременно определяет падеж, число, лицо и род[34]. С этой точки зрения в прибавлении турецких аффиксов к основе существует определенная закономерность: первым к основе прибавляется аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, затем идет аффикс категории более узкого объема и т.д. Например: в слове *yaz-ámа-yor-sunuz* при основе *yaz-* "писать", стоят аффиксы: *-ámа-* (первой степени), *-yor-* (второй степени) и *-sunuz* (третьей степени); перевод: "вы не можете писать", а в дословной схеме: "писать+не мочь+теперь+вы". Здесь аффикс *-ámа-* стоит ближе всех к основе, так как обозначаемая им "категория невозможности" ("не мочь писать", "не мочь говорить" и т.д.) по объему шире категории настоящего времени изъявительного наклонения (показатель *-yor*), которая в свою очередь шире категории 2-го лица (показатель *-sunuz*): ведь в "категории невозможности" могут стоять не только изъявительное наклонение, но и другие, и не только настоящее время изъявительного наклонения, но и другие, и не только 2-е лицо изъявительного наклонения, но и другие его лица. Таким образом, постепенное наращение аффиксов основано на принципе постепенной конкретизации основы. В результате такой последовательности сингармонизм может испытывать некоторые колебания. Например, в слове *kürk-çü-ler-imiz* "наши скорняки" (букв.: "мех-овщик-и- наши") - аффикс первой степени (*-çü*) четырехвариантный, т.е. отражает и нёбную и губную гармонию (см. "Фонетику"), а аффикс второй степени (*-ler*) - двухвариантный, и после него губная гармония фактически прекращается, хотя идущий далее аффикс третьей степени (*-imiz*) - четырехвариантный и (теоретически) мог бы стоять в форме *-ümüz*.

Переходя к вопросу о морфологическом развитии слов, отметим, что турецкий язык знает слова-лексемы, слова-морфемы и промежуточную между ними категорию, своего рода "лексемато-морфемы" (но не "морфемато-лексемы", так как развитие идет в обратном направлении). Слова-лексемы характеризуются конкретной (материальной) семантикой и стабильностью звукового состава, слова-морфемы - абстрактной (грамматической) семантикой и изменяемостью звукового состава. Третья категория, отойдя от первой

и стремясь перейти во вторую, указывает нам динамику процесса. Слова-морфемы (в конкретном употреблении – аффиксы и полуаффиксы), по-видимому, возникли из отдельных слов материального значения, а третья категория (в конкретном употреблении – служебные имена), утратив или утрачивая конкретную семантику, продолжает сохранять стабильность звукового состава. Примеры на слова-морфемы:

1) аффикс *-ça//-çe/-ca/-ce* (*türk-çe* "по-турецки", *rus-ça* "по-русски") восходит к слову *çaq//çağ* "мера", "пора", "момент". Первоначальный тип, очевидно, *ça*; остальные варианты развились впоследствии. Есть такие аффиксы, которые еще не дошли до многовариантности;

2) *-ken* (показатель одного из деепричастий): *alır-ken* "пока берет" и *gelir-ken* "пока приходит". Происходит от причастной формы *iken* (< к вспомогательному глаголу *i-mek* "быть") и в диалектах уже имеет варианты *-kan//-ken*;

3) *-yor* (показатель *praesentis indicativi*: *oku-yor* "он читает", *yürüyor* "он шагает") восходит, по-видимому, к глаголу "идти" (*yor-u* ~ *yür-ü*) и звуковых вариантов не имеет; исторически одно из новых глагольных образований (в других тюркских языках не имеется);

4) *-daş//-taş* ; *yol-daş* "имеющий одну дорогу с кем-нибудь" – "спутник" > "товарищ"; *yaştaş* "имеющий один возраст с кем-нибудь" – "сверстник". Характерно, что, реагируя на гармонию согласных, аффикс этот не подчиняется гармонии гласных: *din-daş* "единоверец" (однако по-туркменски и по-крымски: *din-deş!*).

По одной из гипотез [аффикс-*daş*] происходит от монгольского слова *ádali* "похожий", "подобный"[35].

Слова-морфемы можно подразделить (по количественному признаку) на две группы: 1) собственно аффиксы, 2) полуаффиксы, или неполные аффиксы*. Вторая группа отличается от первой тем, что сохраняет стабильный звуковой тип, как служебные имена, но уже не подвержена морфологическим изменениям. К этой, второй, группе аффиксов относятся слова, которые по своей синтаксической функции называются в грамматиках "послелогами" (*postpositiones*), т.е. нечто эквивалентное предлогам, но с обратным расположением управляющего и управляемого элементов (ср. латинские: *causa* и *gratia*). Примеры на послелоги и происхождение послелогов: 1) *göre* "согласно", "сообразно" – деепричастие от глагола *gör-mek* "видеть", 2) *dolayı* "вследствие" – деепричастие от глагола *dola-mak* "окружать", 3) *kadar*

* Их лучше называть: аффиксы первой группы и аффиксы второй группы.

"столь", "подобно" < араб. существительного со значением "оценка", "мера", 4) *başka* "кроме" – старинный dativus от *baş* "голова", 5) *karşı* "против" – деепричастие от глагола *karış-mak* "смешиваться" и т.д. Характерной особенностью послелогов является то, что они не принимают ударения: *onún için* "для него". Как пример послелога, стремящегося перейти в аффикс, можно указать на *ile*, который существует и в виде отдельного слова: *onın ile* "с ним" и в виде безударного аффикса с чередованием *-la//-le*: *onín-la* "с ним", *senin-le* "с тобой". Ту же тенденцию имеет и *için*, например, *senin için* "для тебя" или *senínçin*.

Что касается третьей категории служебных слов, то они, сохраняя формальные изменения имен и глаголов в отличие от стабильности послелогов, тем не менее теряют (как и послелоги) свое ударение в качестве самостоятельного слова: *kitáp altında* "под книгой", *kitáp altından* "из-под книги", *kitáp altına* "под книгу". Отдельно *alt* обозначает: "низ", "нижняя часть". Ср. еще: *ilk defa olarak buraya geldim* "первый раз будучи (*olarak*) я сюда пришел".

Вопрос о частях речи обычно решается так. По признакам семантическим и морфологическим легко выделяются глаголы, имена и служебные слова, к которым причисляются послелоги, наречия[36], союзы, междометия. Между глаголом и именем существительным имеется переходная группа глагольных имен, между именами и служебными словами – переходная группа служебных имен. В большом отделе имен по признакам семантическим и морфологическим одновременно можно выделить группу числительных и местоимений. Прилагательные (если не считать арабских заимствований типа *medenî* "культурный") могут быть выделены только семантически, а не морфологически и то только прилагательные качественные, а относительных по общему правилу нет. В синтаксическом плане каждое существительное может функционировать как прилагательное (относительное), например *şehir bahçe-si* "город + сад-его" = "городской сад" (иного способа для передачи прилагательного типа "городской" по-турецки не существует). Каждое прилагательное в синтаксическом плане может выступать: а) как существительное: *tembel-ler geldi-ler* "ленивцы (< ленивые) пришли" и б) как наречие: ср. *fena söylemek* "плохо говорить" и *fena adam* "плохой человек". Таким образом, можно было бы говорить о двух слабо дифференцированных линиях:

1) существительно → прилагательное

2) прилагательно → существительное
                  ↘ наречие

3401

При этом исходный пункт определяется исключительно семантикой: *adam* "человек" = существительно-прилагательное, *iyi* "хороший" = прилагательно-существительное (прилагательно-наречие). Интересно, что первая линия (существительно-прилагательное) до функции наречия не доходит, поскольку там имеется в виду прилагательное относительное, а для наречий, восходящих к таким существительно-прилагательным, по-турецки имеются (правда, весьма скудные) аффиксы, например *hayvan* "скот" - "скотский", *hayván-ca* "по-скотски"[37].

Поскольку морфологическое оформление слова едино и каждый аффикс имеет только одну функцию, говорить о словообразовании и словоизменении по-турецки можно весьма условно (главным образом в плане семантики). Правда, в общем наращении аффиксов аффиксы словообразования предшествуют аффиксам словоизменения, например *tütün-cü-ler* "табак-овод-ы,", но тем не менее типологической разницы между теми и другими аффиксами нет, и различать их разной номенклатурой, как делают грамматики казахского языка, нет никаких оснований. Наибольшее значение (главным образом в плане синтаксиса) имеют следующие морфологические категории группы имени: 1) категория сказуемости, 2) категория принадлежности, 3) категория склонения.

Категория сказуемости осуществляется аффиксами, частью происходящими от личных местоимений (2-е лицо), частью от глагольного корня *durmak* "стоять в смысле быть" (ср. *être*<**estare* и многие другие). В 1-м и 2-м лицах множественного числа аффиксы имеют архаичный показатель множественности: *z* с предшествующим узким гласным. Фонетически аффиксы четырехвариантны; между гласным основы и начальным гласным аффикса возникает *i* (графически *y*). Аффиксы безударны*; пишутся слитно с основой. Общая схема аффиксов:

Единственное число:

1-е л. *ım//-im//-um//-üm* (после гласных: *-y-ım//-y-im//-y-um//y-üm*)
2-е л. *-sın//-sin//-sun//-sün*
3-е л. *-dır//-dir//-dur//-dür//-tır//-tir//-tur//-tür*

Множественное число:

1-е л. *-ız//-iz//-uz//-üz* (после гласных: *-y-ız//-y-iz//-y-uz//-y-üz*)
2-е л. *-sınız//-siniz//-sunuz//-sünüz*
3-е л. *-dırlar//-dirler//-durlar//-dürler//-tırlar//-tirler-//turlar//-türler*

* Личные местоимения ставить необязательно: категория лица выражается аффиксом.

Примеры: *Türküm* "я турок" (*Türk*), *hastáyım* "я болен" (*hasta*), *Ermeníyiz* "мы армяне"* (*Ermeni*), *talebéyiz* "мы студенты" (*talebe*), *Almánsınız* "вы немцы" (*Alman*), *Yunánlısın* "ты грек" (*Yunanlı*), *Arnavúttur* "он албанец" (*Arnavut*), *Aráptır* "он араб" (*Arap*), *Gürcüsünüz* "вы грузины" (*Gürcü*), *Romanyalídırlar* "они румыны" (*Romanyalı*), *Sírptırlar* "они сербы" (*Sırp*), *İngilízdirler* "они англичане" (*İngiliz*).

Отрицательная форма категории сказуемости осуществляется при помощи служебного слова *değil* "не есть", "есть не, а ..." - исторически значило "весь", "целый" (как и *tout* во фр. *pas du tout*)[38] и аффиксов типа *-im*, так как *değil* фонетически стабильно. Пишется отдельно от именной части. Примеры: *Türk değilim* "я не турок", *Alman değilsin* "ты не немец", *Gürcü değildir* "он не грузин", *Türk değiliz* "мы не турки", *Fransız değilsiniz* "вы не французы", *Ermeni değildirler* (редко: *değiller*) "они не армяне".

Категория принадлежности состоит в том, что [название] "объекта принадлежности" (иначе "предмета обладания"), соединяясь с аффиксами лица "обладателя" (иначе "имя обладателя"), образует единую грамматическую форму. Таким образом, если по-русски говорят: "мой стол", "твой стол" и т.д., то по-турецки мы имеем нечто вроде "стол-мой", "стол-твой" и т.д. В отличие от аффиксов сказуемости аффиксы принадлежности ударны. Схема аффиксов принадлежности:

	Единственное число:	Множественное число:
1-е л.	*-ım//-im//-um//-üm*	*-ımız//-imiz//-umuz//-ümüz*
2-е л.	*-ın//-in//-un//-ün*	*-ınız//-iniz//-unuz//-ünüz*
3-е л.	*-ı//-i//-u//-ü*	*-ları//-leri*

Примеры: *atım* "мой конь" (*at*), *elin* "твоя рука" (*el* = *main*, *Hand*), *kolun* "твоя рука" (*kol* = *bras*, *Arm*), *yüzü* "его лицо" (*yüz*), *defterimiz* "наша тетрадь" (*defter*), *kurşununuz* "ваш свинец" (*kurşun*), *üzümünüz* "ваш виноград" (*üzüm*), *evleri* "их дом" (*ev*).

Во множественном числе аффикс *-lar//-ler* предшествует аффиксам принадлежности, которые ставятся после него в своем обычном порядке: *atlarım* "мои кони" (*at*, т.е. *at* + *lar* + *ım*), *defterleriniz* "ваши тетради" (*defter*) и т.д.

В 3-м лице множественного числа вместо ожидаемой формы *atlar-ları* "кони их" по галлологии имеем *atlar-ı*, что в то же время значит и "кони его". Таким образом, форма *at-ları*, расшифровываемая в контексте, в изо-

* Именная часть сказуемого стоит в единственном числе.

ляции может быть понята трояко: 1) *at-ları* "конь их", 2) *atlar-ı* "кони его" и 3) *atlar-ı* "кони их".

В случае гласных основ тип аффикса варьирует лишь фонетически. Происхождение аффикса 3-го лица недостаточно установлено[39].

Схема аффиксов принадлежности для гласных основ:

Единственное число: 1-е л. *-m*; 2-е л. *-n*; 3-е л. *-sı//-si//-su//-sü*.

Множественное число: 1-е л. *-mız//-miz//-muz//-müz*; 2-е л. *nız//--niz//-nuz//-nüz*; 3-е л. *-ları//-leri*.

Примеры: *babam* "мой отец" (*baba*), *anan* "твоя мать" (*ana*), *odası* "его комната" (*oda*), *ordusu* "его армия" (*ordu*), *sürüsü* "его стадо" (*sürü*), *selvisi* "его кипарис" (*selvi*), *deremiz* "наша долина" (*dere*), *halanız* "ваша тетка" (*hala*), *kutuları* "их коробка" (*kutu*).

О фонетических изменениях основ с конечными глухими (*k, p, t, ç*) было сказано во "Введении", так как это относится не только к категории принадлежности, но и к ряду других. Примеры: *ayağım* (вместо **ayakım*) "моя нога" (*ayak*), *çiçeğin* (вместо **çiçekin*) "твой цветок" (*çiçek*), *adı* (вместо **atı*) "его имя" (*at* < *ad*), *ağacımız* (вместо **ağaçımız*) "наше дерево" (*ağaç* < *ağac*), *kitabımız* (вместо **kitapımız*) "наша книга" (*kitap* < араб. *kitab*).

Категория принадлежности может быть усилена прибавлением к ней отдельных притяжательных (фактически: личных в родительном падеже) местоимений типа русского "мой", "твой" и т.д. Эти местоимения: *benim* "мой", *senin* "твой", *onun* "его", "ее", *bizim* "наш", *sizin* "ваш", *onların* "их" - обычно указывают на "абстрактную принадлежность", например *bu oda benimdir* "эта комната моя" (здесь предмет обладания - *oda* - и имя обладателя - *benim* - логически разъединены), *bu defter senin değildir* "эта тетрадь не твоя" и т.д.

Примеры на "плеонастическое" употребление притяжательных местоимений при форме принадлежности: *benim atım* "мой конь" (досл.: "мой конь-мой", что носит на себе больший акцент, чем просто *atım* "мой конь"), *senin atın* "твой конь", *onun ati* "его конь", *bizim atımız* "наш конь", *sizin atınız* "ваш конь", *onların atları* "их конь".

Третий тип выражения принадлежности типологически сходен с русским и выходит за пределы морфологии. Он состоит в соединении притяжательных местоимений и основы: *benim at* "мой конь", *senin at* "твой конь", *bizim at* "наш конь", *sizin at* "ваш конь".

Из этих трех типов чаще всего употребляется первый, наиболее специфический, реже всех третий (в разговоре и поэзии); сравнительная давность происхождения всех трех еще не исследована*.

Категория склонения представлена следующими падежами: 1) неопределенный[40] (о функциях см. ниже), внешний признак - отсутствие специфического аффикса; в частности соответствует русскому именительному как падеж подлежащего (casus subjectivus); 2) родительный с аффиксом *-ın//-in//-un//--ün* (как и форма принадлежности 2-го лица единственного числа), а после гласных основ *-nın//-nin//-nun//-nün* (стадиально более древний тип аффикса, так называемый севернотюркский). Падеж указывает на принадлежность или органическое отношение одного предмета к другому; 3) дательный с аффиксом *-a//-e* (после гласных *-y-a//-y-e*), кроме обычных функций dativi, указывает еще направление при глаголах движения (на вопрос "куда?"); 4) винительный с аффиксом *-ı//-i//-u//-ü* (после гласных *-y-ı//-y-i//-y--u//-y-ü*) ставится только тогда, когда обозначаемый им предмет подходит под категорию определенности (см. ниже), иначе - неопределенный падеж; 5) исходный с аффиксом *-dan//-den//-tan//-ten* обозначает удаление (на вопрос "откуда?") при глаголах движения, а также отделение, сравнение, причину; 6) местный падеж с аффиксом *-da//-de//-ta//-te* обозначает статику по месту (где?) и времени (когда?).

Аффиксы падежа ударны. Показатель множественности, если он есть, предшествует аффиксу падежа, не нарушая единого типа склонения. Например:

Единственное число: неопр. пад. *at* "конь", *oda* "комната"; род. пад. *at-ın*, *oda-nın*; дат.пад. *at-a* "коню", "к коню", *oda-y-a* "комнате", "в комнату"; [вин.пад. *at-ı* "коня", *oda-y-ı* "комнату"]; исх.пад. *at-tan* "с коня", "от коня", *oda-dan* "из комнаты", "от комнаты", "чем комнаты"; местн. пад. *at-ta* "у коня", "при коне", *oda-da* "в комнате".

Множественное число: *atlar, atların, atlara, atları, atlardan, atlarda*.

При склонении слов с аффиксом принадлежности 3-го лица последний выступает (во всех падежах, кроме неопределенного) в своем втором варианте со звуком *n*, т.е. *-ın//-in//-un//-ün//-sın//-sin//-sun//-sün*, из которого, по-видимому, и произошел более поздний, первый, вариант (без *n*): *at-ı* "его конь", *at-ın-ın* "его коня", *at-ın-a* "его коню", *at-ın-ı* "его коня", *at-ın-dan* "от его коня", *at-ın-da* "у его коня".

---

* Хотя третий тип отмечен В.В.Радловым еще в орхонских надписях (один из тюркских языков VIII в.) [см.: W.Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Neue Folge, SPb., 1897, S. 104. - *Ред.*].

Фонетические явления, связанные со склонением слов на конечные *k*, *t*, рассмотрены во "Введении".

Личные и указательные местоимения представляют особый архаичный тип склонения. Примеры:

1. Единственное число: *ben* "я", *benim* "меня", "мой", *bana* "мне", *beni* "меня", *benden* "от меня", *bende* "у меня", "при мне", ["во мне"].

Множественное число: *biz* "мы", *bizim* "нас", "наш", *bize* "нам", "к нам". *bizi* "нас", *bizden* "от нас", *bizde* "у нас", ["при нас", "в нас"].

Родительный падеж слов *ben* и *biz*, как видно, является формой принадлежности 1-го лица.

2. *Sen* "ты", *senin*, *sana*, *seni*, *senden*, *sende*; *siz* "вы", *sizin*, *size*, *sizi*, *sizden*, *sizde*. Слова *ben* и *sen*, по-видимому, произошли из *bi-n* и *si-n*, а *bi-z* и *si-z* являются архаичным множественным числом от *bi* и *si*.

Слог *-ız//-iz//-uz//-üz* как показатель множественности выступает и в разобранной выше категории принадлежности, например: *at-ım* "мой конь", *at-ım-ız* "наш конь"; *at-ın* "твой конь", *at-ın-ız* "ваш конь".

3. *O* "он", "тот", *onun*, *ona*, *onu*, *ondan*, *onda*; *onlar* "они", *onların* и т.д.

Местоимения *bu* "этот близкий", "вышеупомянутый" и *şu* "нижеследующий", "этот неизвестный" или "тот неизвестный" в родительном падеже имеют *bunun*, *şunun*, в дательном падеже *buna*, *şuna*, в винительном падеже *bunu*, *şunu*, в исходном падеже *bundan*, *şundan*, в местном падеже *bunda*, *şunda*, во множественном числе *bunlar*, *şunlar*.

Слова с аффиксом *-ki* (*benimki "le mien"*, *bendeki "celui qui est chez moi"*) при склонении принимают второй вариант аффикса *-kin*, подобно словам с аффиксом принадлежности 3-го лица. Примеры: *benim-ki*, *benim-kin-in*, *benim-kin-e*, *benim-kin-i*, *benim-kin-den*, *benim-kin-de* и т.д.

Категория определенности и неопределенности. В турецком языке различается: 1) неопределенность коллективная: *kitap* = фр. *des livres*, т.е. "какие-то книги", как одно родовое понятие; 2) неопределенность индивидуальная: *bir kitap* = *un livre*, т.е. "одна какая-то книга". При склонении слов такого порядка винительный, а иногда родительный падеж (см. ниже отдел "изафета") всегда заменяется неопределенным падежом. В категории неопределенности логически не могут стоять: 1) собственные имена, 2) местоимения личные и указательные (поставленные как существительные). От них всегда употребляется оформленный винительный падеж.

Определенность бывает: 1) коллективная (*bu*) *kitaplar* = *ces livres* или *les livres* "эти книги" (упоминавшиеся или известные говорящему), 2) индивидуальная: *bu kitap* "эта книга".

Отсюда понятно, что категория числа по-турецки распространена реже, чем по-русски. Формально выраженное множественное число с аффиксом *-lar//-ler* (*at-lar* "кони", *it-ler* "собаки") часто заменяется формой коллективной неопределенности (*at*, *kitap*); как правило, это бывает при числительных количественных и родственных им семантически словах (*çok* "много", *az* "мало", *kaç* или *nekadar* "сколько?"). Примеры: *yirmi at* "20 коней" (одинаковых); *yirmi atlar* могло бы означать: "20 разных коней".

Кроме *-lar//-ler*, были архаичные показатели множественности: *-ız//-iz//-uz//-üz* (см. выше) и *-ık//-ik//-uk//-ük* (см. 1-е лицо множественного числа прошедших времен глагола).

Попутно рассмотрим числительные, которые выделяются в группе имен особыми аффиксами. Количественные числительные: a) *bir* (1), *iki* (2), *üç* (3), *dört* (основа *dörd-*) (4), *beş* (5), *altı* (6), *yedi* (7), *sekiz* (8), *dokuz* (9), *on* (10); b) *yirmi* (20), *otuz* (30), *kırk* (40), *elli* (50), *altmış* (60), *yetmiş* (70), *seksen* (80), *doksan* (90), *yüz* (100); c) *bin* (1000), *milyon* (1000000), *milyar* (1000000000).

Формы *seksen* и *doksan* произошли из *sekiz on* "восемь десятков" и *dokuz on* "девять десятков"; в *altmış* (ср. *altı*) и *yetmiş* (ср. *yedi*) выделяется *-mış//-miş*, может быть, тоже со значением "десять" (архаичное?) [41]

Сочетание числительных: от единиц высшего разряда к низшим (без союза), например: *bin dokuz yüz otuz altı* (1936) и т.д.

Стоя без последующего существительного, числительное склоняется (в составных числительных только последнее слово); перед существительным числительное, как и всякое определение, не меняется.

Порядковые числительные имеют аффикс *-ıncı//-inci//-uncu//-üncü* [после согласных], *-ncı//-nci//-ncu//-ncü* (после гласных): *altı-ncı* "шестой", *on-un-cu* "десятый"; разделительные числительные: *-ar//-er* [после согласных], *-şar//-şer* (после гласных), например: *bir-er* "по-одному", *iki-şer* "по два". Форму *-şar//-şer* объясняют путем "морфологической абсорбции" (термин В.А.Богородицкого) из *altmışar* "по 60", *yetmişer* "по 70".

Формула дробей: знаменатель в местном падеже + числитель (неопределенный падеж), при склонении меняется вторая часть. Примеры: *onda üç* (досл.: "в десяти три") = "3/10", *yüzde yüz* "в сотне сотня" (100%). "Четверть" - *çeyrek* (перс.), "половина" - после целых чисел *buçuk* (2 1/2 - *iki buçuk*), а "половина"//"пол." = "половинный" (прилагательное) - *yarım* (например, *yarım gün* "полдня", но "полдень" - *öğle*, а "полночь" - *gece yarısı*).

Категория рода как грамматическая отсутствует. Исключаются искусственные арабские формы в отжившей конструкции "персидского изафета".

Качественные прилагательные, которые могут быть выделены в особую группу главным образом семантически, морфологически обладают особой формой "интенсива" (по существу - частичное удвоение с деформацией основы в своего рода коэффициент, тип которого индивидуален для каждого отдельного слова). Примеры: *kap/kara* [пишется *kapkara*] (из *kara kara*) "чер-черный" = "черный-пречерный", *sap/sarı* [пишется *sapsarı*] "желтый-прежелтый", *mas/mavi* [пишется *masmavi*] "голубой-преголубой" и т.д.

Категория глагола, помимо своей семантической рельефности, выделяется и особыми морфологическими признаками. Каждая форма глагола, в которой преобладают именно глагольные свойства (в противоположность именным) может быть поставлена в одном из четырех основных глагольных аспектов. Таковыми для турецкого глагола являются: 1) положительный аспект (aspectus positivus), в котором формальные показатели аспекта отсутствуют: *al* "бери", *gel* "приходи", 2) отрицательный аспект (aspektus negativus), в котором отрицание передается (в отличие от отрицательной формы сказуемости имен, см. выше) посредством аффикса *-ma//-me*: *ál-ma* "не бери", *gél-me* "не приходи", 3) аспекта невозможности (aspektus impossibilitatis) с аффиксом *-áma//-éme*: *al-áma* "не моги (не имей возможности) брать", *gel-éme* "не моги (не имей возможности) приходить", 4) аспект возможности (aspectus possibilitatis), который морфологически слагается из неизменяемого деепричастия на *-a//-e* от любого глагола (*al-a* "беря", *gel-e* "приходя") и вспомогательного, в данном случае, глагола bil "знай", т.е. *al-a + bil* (орфографически: *alabil* "беря + знай" = "знай, как взять" = "умей взять" = "моги взять"; *gel-e + bil* "моги приходить").

Неоднократно отмечалось, что спряжение в турецком языке именное.

Личные формы изъявительного наклонения представляют собой или форму сказуемости (настоящие и будущие времена) или форму принадлежности (прошедшие времена) от специфических основ времени, которые с морфологической точки зрения, очевидно, восходят к причастным ~ деепричастным образованиям.

Так, основа настоящего времени слагается из деепричастия на *-ı//-i//-u//-ü* (т.е. *al-ı* "беря", *ver-i* "давая", *bul-u* "находя", *gör-ü* "видя") и неизменяемого аффикса (сравнительно поздно возникшего из глагола *yor(u) //yör(ü)// yürü* "ходить", "двигаться", как явствует из специальных работ К. Фоя, Ф.Е. Корша и В.Банга)[42], после чего прибавляются

обычные аффиксы сказуемости (и всегда с гласным *u* в силу стабильности аффикса *-yor*). Примеры: *al-ı-yor-um* "я беру в данный момент", англ. *I am taking* (букв.: "берущий в данный момент + есмь"), *al-ı-yor-sun, al-ı-yor-uz, al-ı-yor-sunuz, al-ı-yor-lar*. Форма 3-го лица, которая морфологически считается основной, не принимает аффикса *-dur*, который (в спряжении) вообще не ставится, если основа времени оканчивается на *r ~ z* или гласный. Стабильность звукового состава аффикса *-yor*, подтверждающая факт его недавнего перехода из отдельного слова в формант, как бы рассекает слово на две части в смысле гармонии гласных: *veri-yorum* "я даю в данный момент", англ. *I am giving* - *veri-yorsun, veri-yor* (исторически из *veri + yorur* "давая идет" = "дает сейчас"), *veri-yoruz, veri-yorsunuz, veri-yorlar*.

От глаголов на гласный имеем такие образования, как *oku-yor* и т.д.; иными словами, *-yor* прибавляется прямо к корню (исторически, по-видимому, через ступень деепричастия на *-y*, т.е. *oku-y + yor > okuyyor > oku-yor*). Нечто подобное имеем в формах отрицания и невозможности, аффиксы которых, прибавляясь непосредственно к корню, фактически дают основы на гласный: *oku-ma-yor* "он не читает теперь" наряду с *ál-ma-yor* "он не берет теперь" и *vér-me-yor* "он не дает теперь"; *al-áma-yor* "он теперь не может брать", *ver-éme-yor* "он теперь не может дать". Особый (фонетически!) случай: *oku-y-áma-yor* "он теперь не может читать". Современная фонетика допускает наряду с этими формами еще вариант, основанный на том, что широкий гласный перед *y* переходит в узкий, т.е. *ál-mı-yor, vér-mi-yor; al-ámı-yor, ver-émi-yor*.

Если *alıyor* и *veriyor*, как и англ. *he is taking* и *he is giving*, означают: "он берет теперь", "дает теперь" (т.е. в момент речи), то настоящее-будущее время, с одной стороны, отчасти соответствует англ. *he takes, he gives* "он берет" - "дает" (обыкновенно, вообще), а с другой - обозначает неопределенное будущее ("он возьмет, пожалуй"; "он пожалуй, будет брать"). Широкий диапазон настоящего-будущего ("он берет" > "он возьмет" // "будет брать") объясняется тем, что здесь исторически совпали, как легко установить по азербайджанскому языку, два самостоятельных времени: 1) настоящее типа англ. *he takes* (азерб. *ал-ыр* "он берет") и 2) будущее неопределенное (азерб. *ал-ар* "он, пожалуй, возьмет" ~ "будет брать"). Отсюда понятно и то, что оба типа аффиксов *-ar//-er//-ır//-ir//-ur//-ür*, существующие в азербайджанском как показатели двух глагольных времен (и, следовательно, возможные от каждого глагола), в турецком являются принадлежностью одного времени и дифференцируются так: от односложных основ воз-

3401

можны только образования на *-ar//-er* (*bak-ár=he looks* "он смотрит обыкновенно", *sev-ér = he likes* "он любит вообще"), а от многосложных – на *-ır/-ir/-ur/-ür* (*kullan-ır=he employes* "он употребляет", "он пользуется", *göster-ir* "он показывает вообще", *yorul-úr* "он утомляется обыкновенно", *güldür-ür* "он смешит обыкновенно"). В качестве пережитка сохранился ряд односложных основ, принимающих только *-ır//-ir//-ur//-ür*. Это как раз самые употребительные глаголы: *ol-ur*, а не *ol-ar* (*olmak* "делаться", "становиться", "быть"); *al-ır*, а не *alar* (*almak* "брать"); *verir* (*vermek* "давать"); *bul-ur* (*bulmak* "находить"); *bil-ir* (*bilmek* "знать"; "уметь"; "мочь"); *öl-ür* (*ölmek* "умирать"); *gör-ür* (*görmek* "видеть"); *gel-ir* (*gelmek* "приходить", "приезжать"); *var-ır* (*varmak* "идти", "достигать"); *kal-ır* (*kalmak* "оставаться"); *dur-ur* (*durmak* "стоять", "останавливаться"); *vur-ur* (*vurmak* "бить", "поражать"); *san-ır* (*sanmak* "думать", "полагать").

После гласных основ ставится *-r*; *başla-r* "он начинает обыкновенно", "он начнет". Образец спряжения настояще-будущего времени: *bak-ár-ım* "я смотрю вообще", "я посмотрю", *bak-ár-sın*, *bak-ár*, *bak-ár-ız*, *bak-ár-sınız*, *bak-ar-lar*; *sevér-im* "я люблю вообще", "я буду любить", *sev-ér-sin*, *sev-ér*, *sev-ér-iz*, *sev-ér-siniz*, *sev-er-ler*. Отрицательная форма этого времени из **bak-má-r-ım*, **bak-má-r-sın*, **bak-má-r* и т.д. исторически дала, как показывает туркменский язык, *bak-má-zım* (ныне не существует), откуда далее реальное *bak-má-m*, *bak-má-z-sın*, *bak-má-z*, *bak-má-z-ız* (ныне не существует), откуда далее реальное *bak-má-y-ız* (фонетическое *y* и сохранение *ı* в слоге *ız*, очевидно, для разграничения с 3-м лицом единственного числа *bakmaz*); *bak-máz-sınız*, *bak-maz-lár*; еще пример: *bilmem* "я не знаю вообще", "не узнаю", *bilmézsin*, *bilméz* (русское "ни бельмес" – заимствовано из татарского бел-ма-с), *bilméyiz*, *bilmézsiniz*, *bilmezler*. Форма невозможности: *al-áma-m* "я вообще не могу брать", "не смогу брать", *al-áma-z-sın*, *al-áma-z* и т.д., *sev-éme-m* "я вообще не могу любить", "не смогу любить", *sev-éme-z-sin*, *sev-éme-z* и т.д. Форма возможности: *alabilir-im* "я могу брать вообще", "смогу брать" – орфографически: *alabilirim*; *sevebilir-im* "я вообще могу любить", "я смогу любить" – орфографически: *sevebilirim* и т.д.

К числу первоначальных (т.е. простых по образованию) времен изъявительного наклонения относится прошедшее категорическое (иначе прошедшее законченное или совершенное время). В основе его, по гипотезе П.М.Мелиоранского и К.Брокельмана[43], лежит архаичное отглагольное имя на *-ıt//-it//-ut//-üt* (т.е. **al-ıt* "взятие", **ver-it* "давание" и т.д., ср. существующее ныне *geç-it* "переход", "проход") и аффиксы принадлежности.

Из **alıt-ım* "мое взятие", **verit-im* "мое давание" получилось сперва **alt-ım*, **bert-im* (орхонские формы), а далее *ald-ım*, *verd-im*. Синтаксическое употребление их со словом *var* (<орхонское *bar*), впоследствии пропущенным, и составило прошедшее время: *aldım var* ("*il y a mon avoir pris*", "*es gibt mein Genommen zu haben*", "мое взятие существует" = "я взял") откуда далее просто *aldım* в смысле "я взял" (ср. *mutatis mutandis* русское "прошедшее": взял – по существу причастие – из первоначального: взял + + есмь, еси, есть...). Примеры спряжения: *aldım* "я взял(а)", *aldın*, *aldı*, *aldık (sic!)*, *aldınız*, *aldılar*; *verdim* "я дал (а)", *verdin*, *verdi*, *verdik (sic!)*, *verdiniz*, *verdiler*; после глухих: *bak-tım* "я посмотрел", *kork-tum* "я испугался" и т.д. После гласных, естественно, стоит *-dım*: *başladım* "я начал". Таким образом, полный тип аффикса времени *-d-ım//-d-im//-d-um//-d-üm* и *-t-ım//-t-im//-t-um//-t-üm* (после глухих согласных). Формам 1-го лица множественного числа *ald-ık* "мы взяли", *verd-ik* "мы дали", *buld-uk* "мы нашли", *görd-ük* "мы увидели" в других языках тюркской семьи соответствуют *ald-ımız*, *berd-imiz*, *tapt-ımız*, *körd-ümüz//körd-imiz*, откуда видно, что *-ık//-ik//-uk//-ük* по функции равняется аффиксу принадлежности 1-го лица множественного числа (некоторые сопоставляют с этим *k-* показатель множественности в венгерском языке). Аффикс 1-го лица множественного числа *-ık//-ik//-uk//-ük* в турецком употребляется только в прошедших временах (простых и комбинированных), а в азербайджанском также и при образовании настоящих и будущих времен. Отрицательная форма времени: *ál-ma-dım* "я не взял", *kórk-ma-dım* "я не испугался"; форма невозможности: *al-áma-dım* "я не мог взять", *kork-áma-dım* "я не мог испугаться"; форма возможности: *alabil-dim* (графически: *alabildim*) "я мог взять"; *korka-bildim* (графически: *korkabildim*) "я мог испугаться".

От глагола *i-mek* "быть" (исторически: *er-mek* > *e-mek*), который существует на правах недостаточного, причем недостающие формы пополняются за счет глагола *ol-mak* "делаться, становиться > быть", сохранилось прошедшее категорическое: *i-dim* "я был" (но *ol-dum* "я стал"), *i-din*, *i-di*, *i-dik*, *i-diniz*, *i-diler*. Поскольку этот глагол по существу является полуаффиксом, точнее "аффиксом сказуемости прошедшего времени" – понятны следующие два обстоятельства: 1) наличие усеченной формы типа явного аффикса *-dım/-dim//-dum//-düm* и *-tım//-tim//-tum//-tüm* (после глухих согласных), например *çocuk-tum* "я был ребенком" (вместо *çocuk idim*), *tembel-dim* "я был ленивым" (вместо *tembel idim*); 2) отрицательная форма образуется по схеме имен, а не глаголов: *değil idim-değildim* и т.д. Положительная форма *idim* используется в изъявительном наклонении для образования сложных прошедших времен.

Из них определенный имперфект (= прошедшее незаконченное 1-е) представляет собой сочетание основы настоящего времени (во всех четырех основных аспектах) с глаголом *idim*, т.е. *alıyor + idim = alıyordum, alıyordın, alıyordu, alıyorduk, alıyordunuz, alıyordular* или *alıyorlardı*. Значение: "я брал тогда", т.е. в противоположность прошедшему категорическому (= русскому совершенному виду) это время означает: несовершенный вид "брал", с указанием на определенный момент (тогда).

Неопределенный имперфект (= прошедшее незаконченное 2-е) указывает на несовершенное действие, не связанное с определенным моментом ("брал обыкновенно, вообще") или только предполагаемое при наличии какого-либо условия ("брал бы"). Образуется от основы настояще-будущего времени в соединении с глаголом *idim*, т.е. *bakar + idim = bakárdım, bakardın, bakardı, bakardık, bakardınız, bakardılar* или *bakarlárdı* "я смотрел обыкновенно"//"я смотрел бы", *görürdüm, görürdün, görürdü, görürdük, görürdünüz, görürdüler* или *görürlérdi* "я видел вообще", "я видел бы" и т.д., *bulúrdum* "я находил вообще", "я находил бы". Отрицательная форма, естественно, *almázdım* "я не брал вообще", "не брал бы"; *görmézdim* "я не видел вообще", "не видел бы"; форма невозможности: *alámazdım*; форма возможности: *alabilírdim* (перевод по схеме). Существует еще редкая форма давнопрошедшего (плюсквамперфекта): *aldı + idim > aldíydım* и т.д. "я прежде, когда-то брал"//"взял".

Остальные времена изъявительного наклонения представляют собой комбинацию причастных форм с аффиксами сказуемости или с формой *idim*.

Из причастий форма настоящего времени с аффиксом *-an//-en* (*al-an* "берущий", *oku-y-an* "читающий", *ver-en* "дающий", *vér-me-y-en//vér-mi-y-en* "не берущий", *al-áma-y-an//al-ámı-y-an* "не могущий взять", *alabilen* "могущий взять" и т.д.) не дает никаких проекций в плоскости изъявительного наклонения. Иначе обстоит дело с причастием прошедшего времени на *mış//-miş//-muş//-müş* (*al-mış* "взявший", *ver-miş* "давший", *bul-muş* "нашедший", *gör-müş* "видевший", *búl-ma-mış* "не нашедший", *bul-áma-mış* "не могущий найти", *bulabilmiş* "могший найти") и причастием будущего времени на *-acak//-ecek* (*al-acak* "тот, который возьмет", *gel-ecek* "тот, который придет", *oku-y-acak* "тот, который прочтет", *ál-ma-y-acak* и *ál-mı-yacak* "тот, который не возьмет" и т.д.). От первого из них образуется два времени:

1) Перфект (прошедшее-настоящее), составляемый комбинацией прошедшего причастия с аффиксами сказуемости, т.е. *al-mış-ım* "я уже взял", *almış-sın, almıştır, almışız, almışsınız, almışlar*; *ál-ma-mış-ım* (перевод двойной:

а) "я уже не брал" и чаще б) "я еще не брал") и т.д.; *al-áma-mış-ım* [перевод двойной: а) "я уже не мог брать" и чаще б) "я еще не мог брать"] и т.д.; *alabilmişim* "я уже мог брать". Значение времени: прошлое действие, которое существует в настоящем как следствие или результат (ср.лат. perfectum logicum).

Примечание. Перфект от глагола *i-mek* "быть", т.е. формы *i-miş-im, i-miş-sin, i-miş, i-miş-iz, i-miş-siniz* и *i-miş-ler* имеет осоooe значение: "говорят//кажется//оказывается, я был" и т.д. Соединение этого перфекта с основой любого [простого] времени изъявительного наклонения или причастия образует новую категорию - нечто вроде наклонения или, как его теперь называют, модальность на *mış*; она придает основному значению времен индикатива специфический для нее субъективный оттенок ("говорят//кажется//оказывается, я..."). Примеры: *alıyor + imişim > alıyormuşum* "говорят//кажется//оказывается, я беру теперь, брал тогда"; *alırmışım* "говорят//кажется//оказывается, я беру, брал вообще" ~ "я буду брать"; *almış imişim > almíş-mışım* "говорят, что я взял", *almışmışsın, almışmış* (не *almışmıştır*, которое в сущности не употребляется), откуда дальше просто *almış* (не смешивать с перфектом *almıştır!*) "говорят, что он взял" и т.д.

От причастия будущего времени образуется: 1) будущее (или: будущее абсолютное), которое является формой сказуемости от этого причастия, т.е. *alacák + ım > alacáğım* "я возьму, буду брать", *alacáksın, alacák (tır), alacáğız, alacáksınız, alacaklár*; *verecék + im > verecéğim* "я дам", "я буду давать", *verecéksin, verecék(tir), verecéğiz, verecéksiniz, verecekler*; *okú-y-acáğ-ım* "я прочту", "буду читать", *okú-ma-y-a-cáğ-ım* или *okú-mı-y-acáğ-ım* "я не прочту", "не буду читать", *okú-y-ama-y-acáğ-ım* или *okú-y-ámı-y-acáğ-ım* "я не буду в состоянии читать, прочесть".

Разница между будущим *okuyacağım* и настояще-будущим *okurum*: "я прочту", "буду читать" (обязательно) и "я прочту", "буду читать" (может быть).

2) Будущее-прошедшее (иначе будущее намерения): *alacak + idim* (букв.: "я был - *idim* — таким, который возьмет", *alacak*) > *alacaktım* "я взял было, намеревался//собирался взять" ["должен был взять"], *alacáktın, alacáktı, alacáktık, alacáktınız, alacáktılar* или *alacaklárdı*; *álmayacáktım* или *álmıyacáktım* "я не взял было" ["не должен был взять"].

Формы невозможности и возможности от этого времени фактически не употребляются.

Вопросительный аффикс ставится между основой времени и аффиксом лица (*aliyor-mu-y-um*? "беру ли я теперь?", *almış-mı-y-ım*? "взял ли я?", *alacak-mı-sın*? "возьмешь ли ты?", *aliyor-mu-y-dum*? "брал ли я тогда?" и т.д.), исключая прошедшее категорическое, где он ставится после всего слова (*aldınız mı*? "взяли ли вы?", *geldiler mi*? "пришли ли они?", *verdin mi*? "дал ли ты?").

Долженствовательное наклонение (иначе наклонение необходимости - Necessitativus) характеризуется аффиксом наклонения *-malı//-meli* и имеет два времени:

1. Настоящее, например *al-malı + ım > almalíyım* "я должен//мне следует//мне нужно брать ~ взять", *almalísın, almalí(dır), almalíyız, almalísınız, almalídırlar; gelmeliyim* "я должен прийти", *vermeli miyim?* "должен ли я давать?"; *okúmamalíyım* "я не должен читать". Формы возможности и невозможности от этого наклонения (в обоих временах) фактически не употребляются.

2. Прошедшее, например *al-malı + idim > almalíydım* "я должен был//мне следовало//мне нужно было брать ~ взять", *almalíydın, almalíydı, almalíydık, almalíydınız, almalíydılar; gelmeliydim* "я должен был прийти"; *álmamalıydım* "я не должен был брать", *gélmemeliydim* "я не должен был приходить".

Желательное наклонение (Optativus), существующее в виде рудиментарной категории, характеризуется аффиксом *-a//-e* (для 1-го лица единственного числа исторически был другой аффикс) и имеет два времени:

1. Настоящее, например *al-a + ım > alayím* "взять бы мне", "дай-ка я возьму", *alásın, alá, al-a-lím* (*sic!* "взять бы нам", "дайте-ка возьмем!), *alásınız, alalár*. Происхождение аффикса *-lım//-lim*, встречающегося в 1-м лице множественного числа (только в этой форме), окончательно не выяснено (ср. туркменские соответствия). Еще примеры: *geleyim* "прийти бы мне", *geleyim mi?* "приходить ли мне?", *geleyim mi gelmeyeyim* [*gelmiyeyim*] *mi*? "приходить мне или не приходить?" Формы возможности и невозможности от этого наклонения (в обоих временах) фактически не употребляются.

2. Прошедшее, т.е. *ala + idim > alâydım* "взять бы мне тогда!, "*alâydın, alâydı, alâydık, alâydınız, alâydılar; gelêydim* "прийти бы мне тогда!", *gelmeyeydim* [*gelmiyeydim*]//*gelmeydim* (с диссимилятивным выпадением слога *ey*) "не прийти бы мне тогда!" В современном языке желательное наклонение фактически употребляется почти только в 1-м лице единственного и множественного числа.

Условное наклонение (Conditionalis) характеризуется аффиксом *-sa//-se* (исторически было: *-sar//-ser*), после которого (по невыясненной причине) ставятся всегда аффиксы принадлежности, а не сказуемости, хотя бы и в настоящем времени. Наклонение имеет два времени:

1. Настоящее, т.е. *al-sá-m* "если я беру"//"если я возьму", [если бы я взял], *al-sá-n, al-sá, al-sa-k* (*sic!*), *al-sa-níz, al-sa-lár*; *gel-sé-m* "если я прихожу"//"если я приду" [если бы я пришел]; *gel-sé-n, gel-sé, gel-sé-k* (*sic!*), *gel-se-níz, gel-se-lér*. Выражение *olsa olsa* (букв.: "если он будет - если он будет") означает "самое большое, максимум".

2. Прошедшее, т.е. *alsa + idim < alsáydım* "если бы я брал, взял", *alsáydın, alsáydı, alsáydık, alsáydınız, alsáydılar* или *alsalárdı*; *gelséydim* "если бы я пришел". Прошедшее условное указывает всегда на так называемый ирреальный случай условия ("если бы я взял") и по значению сближается с прошедшим желательным ("взять бы мне тогда!").

Примечание. От глагола *imek* "быть" сохранились условные формы: а) *i-se-m* ("если я есмь" = " *si je suis*"), *isen, ise, isek, iseniz, iseler*. Форма *ise* употребляется и как послелог со значением "а", "же", "что касается": *ben ise* "я же", "что касается меня"; б) *iséydim* "если бы я был", *iseydin, iseydi, iseydik, iseydiniz, iseydiler*. Соединение первой формы с основой любого времени изъявительного наклонения образует так называемую условную модальность, или модальность на *-ise*. Структурно она отличается от условного наклонения тем, что последнее состоит из корня глагола плюс *-sa//-se*, и семантически тем, что условная модальность выражает одновременно содержание условного наклонения и специфику отдельных форм индикатива и, таким образом, характеризует условное действие значительно более точно, чем это делает условное наклонение. Примеры: *aliyor + isem < aliyorsam* "если я беру теперь", *alır + isem > alírsam* "если я беру вообще", "если я возьму", *aldı + isem > aldíysam* "если я взял", *almış + isem > almíssam* "если я уже взял", *alacak + isem > alacáksam* "если я возьму, буду брать" и т.д.

Существуют еще описательные условные формы, состоящие из причастий прошедшего или будущего времени и условной модальности глагола *olmak* "делаться", "становиться", "быть"; по значению эти формы (сравнительно с условным наклонением) вносят особый оттенок предположительности, например: *almış olsam* или *almış olursam* "если я, допустим, уже взял", *alacak olsam* или *alacak olursam* "если я, предположим, возьму"[44].

Повелительное наклонение образуется по следующей схеме: *al* "бери", "возьми"; *alsín* "пусть он//его берет"; *gel-sín* "пусть он//его придет"; *ol-sún* "пусть он//его будет"; *gör-sün* "пусть он//его видит"; *al-*

alın "давайте возьмем"; *gel-elim* "давайте придем"; *ál-ın* и *ál-ınız* "берите", "возьмите"; *gél-in* и *gél-iniz* "придите", "приходите"; *ól-un* и *ól-unuz* "будьте"; *gör-ün* и *gör-ünüz* "видьте"; *al-sınlar* "пусть они//их возьмут, берут"; *gel-sinler* "пусть они//их придут"; *ol-sunlár* "пусть они//их будут"; *gör-sünler* "пусть они//их видят". Таким образом, 2-е лицо единственного числа совпадает с корнем [//основой] глагола. В 3-м лице единственного числа имеем ударный аффикс *-sın//-sin//-sun//-sün*; для 1-го лица множественного числа (по существу не Imperativus, а Adhortativus) переносится из желательного наклонения форма на *-alım//-elim*; во 2-м лице множественного числа имеем факультативно: а) *-ın//-ın//-un//-ün* (первоначально в обращении «на вы» к одному лицу[45] или б) *-ınız//-iniz//-unuz//-ünüz* (первоначально относилось ко многим лицам: ср. узбекские и казахские соответствия, а также роль архаичного аффикса *-ız* в самом турецком языке); для 3-го лица множественного числа имеем *-sınlár//-sinlér//-sunlár//-sünlér*.

Повелительное наклонение может стоять в любом из четырех основных аспектов глагола: *bulsún* "пусть он//его найдет", *búlmasın* "пусть он//его не найдет", *buláma-sın* "пусть он//его не может найти", *bulábilsin* "пусть он//его может найти".

Инфинитив. Турецкий инфинитив с аффиксом *-mak//-mek* по своей природе стоит ближе к имени, чем русский инфинитив, и склоняется. Например: *al-mak* 1) "брать", "взять", 2) "взятие"; *ver-mek* 1) "дать", "давать", 2) "давание". Инфинитив как имя может принимать аффиксы принадлежности и одновременно как глагол может стоять в одном из основных четырех аспектов глагола. Из падежей - родительный падеж инфинитива почти не употребляется на практике; дательный падеж часто обозначает цель при глаголах движения, например *almağa* "чтобы взять", *vermeğe* "чтобы дать"; винительный падеж употребляется (довольно редко) для обозначения прямого объекта при некоторых глаголах, например, *okumağı severim* "я люблю читать", *saatimi kurmağı unuttum* "я забыл завести свои часы"; исходный падеж (чаще всего перед послелогом *ise* - см. выше) дает особый оборот: *almaktan ise* (или *almaktánsa*) "вместо того, чтобы брать", *gelmekten ise* (или *gelmekténse*) "вместо того, чтобы приходить". Что касается местного падежа, то он в соединении с аффиксами сказуемости и формой *idim* образует особое описательное спряжение: а) настоящего времени: *almaktá + im > almaktáyım* (ср. буквально тот же тип образования в армянском настоящем времени *arnum em* "я беру" (букв.: "во взятии я"); до известной степени конкурирует с настоящим на *-yor*), *vermektésin* "ты даешь" и т.д.; б) прошедшего времени (соответствует определенному имперфекту): *almaktá idim > almaktáydım* "я был во взятии" = "я брал" (ср. также армянский имперфект [*arnum ei* "я брал" (букв.: "я был во взятии")]. Параллельно с инфинитивом существуют две именные формы глагола - одна с аффиксом *-maklık//-meklik*, в которой преобладают глагольные свойства, другая с аффиксом *-ma//-me*, в которой преобладают именные свойства; по внешнему отношению этих форм к инфинитиву первую называют иногда «распространенный инфинитив», а вторую - «усеченный инфинитив». Примеры на первую форму: *almaklık* "взятие" (точнее: "манера или способ брать"), *vermeklik* "давание" (точнее: "манера или способ давать"). Принимая аффиксы принадлежности, эта форма может и склоняться. В отрицательной форме наряду с обычным *álmamaklık* ("манера не брать") употребляется также восходящее к причастию *álmamazlık*, употребляемое в специальном аспекте: *álamamazlık edemedim* "я не мог не взять" (досл.: "я не мог сделать невзятие"). Форма на *-ma//-me* означает процесс или результат действия, например *almá* (не смешивать с *álma* "не бери".): 1) процесс взятия (= то, что берут//тот факт, что берут), 2) предмет или результат взятия (= то, что берут//объект взятия). Некоторые образования на *-ma* утратили первое (абстрактное) значение и сохранили только второе (конкретное). Примеры: *basmá* "ситец" (*basmak* "давить ногой", "делать оттиск", "печатать", "давить", "угнетать"), *dondurmá* "мороженое" (*dondurmak* "замораживать"), *donanmá* "флот" (*donanmak* "снаряжать", "экипировать"), *dolmá* "капустники", "голубцы" (*dolmak* "наполняться", "фаршироваться"), *asmá* "плющ", "лоза" (*asmak* "подвешивать"), *kızartmá* "жаренное" (*kızartmak* "жарить"), *dokumá* "тканье" (*dokumak* "ткать").

Отглагольные имена.

1. На *ış//-iş//-uş//-üş*. Означает манеру или способ действия: *bak-ış* "взгляд" (*bakmak* "смотреть"), *yürü-y-üş* "походка" (*yürümek* "ходить"), *al-ış* "взятие", *ver-iş* "давание", *alış-veriş* "торговля" (ср. русское "купля-продажа").

2. На *-ım//-im//-um//-üm*, после гласных *m*. Означает количество чего-либо выступающего как результат действия: *dil-im* "кусок", "ломоть" (*dilmek* "резать" [на полоски, куски]), *yud-um* "глоток" (*yutmak* "глотать"), *ye-m* "корм" (*yemek* "есть"); есть и другие значения, как *öl-üm* "смерть" (*ölmek* "умирать").

3. На *-ı//-i//-u//-ü*. Образует существительные и прилагательные общего значения: *yap-ı* "постройка", "здание" (*yapmak* "делать", "строить"); *bat-ı* "закат", "запад" (*batmak* "тонуть", "закатываться"); *kok-u* "запах" (*koxmak* "пахнуть"). Этот (ныне архаичный) тип сохранился для некоторых

слов, приняв вторичные аффиксы *-lı* или *-cı*: *yazılı* "написанный" (*yazmak* "писать"), *satıcı* "продавец" (*satmak* "продавать"). Более архаичный вариант этого типа предоставляют отглагольные имена:

4. На *-kı// -ki//-ku//-kü* и *-gı//-gi//-gu//-gü* (первый вариант после глухих согласных). Примеры: *çal-gı* "музыка" (*çalmak* "играть"), *duy-gu* "чувство" (*duymak* "чувствовать"), *sil-gi* "тряпка" (*silmek* "вытирать"), *bıç-kı* "пила" (*biçmek* "пилить")[46].

5. На *-ak//-ek* или *-ık//-ik//-uk//-ük*, после гласных *-k*. Образует разного значения имена, в частности – прилагательные пассивного содержания. Примеры: *yat-ak* "постель" (*yatmak* "лежать"), *ele-k* "сито" (*elemek* "просеивать"), *kork-ak* "трусливый" (*korkmak* "бояться"), *del-ik* "дыра" (*del-mek* "сверлить"), *sol-uk* "поблекший" (*solmak* "блекнуть"), *kaç-ak* "беглец", "дезертир" (*kaçmak* "убегать"), *bozuk* "испорченный", "нарушенный" (*bozmak* "портить"), *yan-ık* "обгорелый" (*yanmak* "гореть").

6. На *-kan//-ken//-gan//-gen//-kın//-kin//-kun//-kün//-gın// -gin//-gun//-gün*. Архаичный тип, связанный со значением прилагательных, как в русском "лежачий" и "стоячий" в их отношении к причастиям. Примеры: *çalış-kan* "прилежный", ср. *çalış-an* "трудящийся" (*çalışmak* "трудиться"), *er-gen* "холостой", ср. *er-en* "достигающий" (*ermek* "достигать", "созревать").

Есть и другие случаи: *yan-gın* "пожар" (*yanmak* "гореть"), *ger-gin* "напряженный", "натянутый" (*germek* "натягивать"), *tut-kun* "застенчивый" (*tutmak* "хватать", "держать").

7. На *-ç//-nç* (после гласных), *-ınç//-inç//-unç//-ünç* (после согласных), например: *sev-inç* "радость" (*sevmek* "любить"), *gül-ünç* "смешной" (*gülmek* "смеяться"). На более редких типах отглагольных имен мы не останавливаемся.

Деепричастия.

1. На *-ıp//-ip//-up//-üp*. Обозначает действие, предшествующее главному. Употребляется в смысле временном, причинном и условном. Примеры: *al-ıp* "взяв", *ver-ip* "дав", *oku-y-up* "прочитав", *al-ma-y-ıp* "не взяв", *gid-ip* "пойдя", *git-me-y-ip* "не пойдя", *gid-eme-y-ip* "не имея (собств.: "не имев") возможности пойти", *gidebilip* "имея возможность пойти".

2. На *-arak//-erek*. Означает действие, параллельное главному[47], по-русски переводится деепричастием, наречием или иным адвербиальным оборотом (косвенные падежи имен и т.д.). Примеры: *al-arak* "беря", "при чем брал", "при взятии"; *ver-erek* "давая", "при чем давал", "при давании"; *al-ma-y-arak* и *al-mı-y-arak* "не беря", "при чем не брал"; *ilk defa olarak* [букв.]: "первым разом будучи" = "в первый раз".

3. На *-a//-e*. Представляет собой более архаичный тип, на базе которого развился предыдущий и который ныне употребляется ограниченно, а именно: а) в повторном виде: *gide gide* "идя-идя" = "долго идя", *sora sora* "спрашивая-спрашивая" = "часто спрашивая"; б) с глаголом *bilmek* "знать", "уметь", что дает форму возможности: *al-a + bilmek* (пишется: *alabilmek*) "мочь взять" (досл.: "беря знать"), в) отдельные слова: *di-y-e* < *de-y-e* (от *de-mek* "сказать") = "мол", "дескать", "чтобы"; *beşe on kal-a* "без 10-ти пять" (досл.: "для пяти//до пяти десять оставаясь").

4. На *-alı//-eli*. Соответствует обороту "с тех пор как..." (нем. *seitdem*), например: *al-alı́* "с тех пор как взял", *ver-elí* "с тех пор как дал", *gid-elí* "с тех пор как ушел", *de-y-eli* или *di-y-eli* "с тех пор как сказал". Реже встречается вариант *geleli-den-beri* ("с тех пор как пришел" = = *geleli*), указывающий на именной характер этого деепричастия[48].

5. На *-ínca//-ince//-únca//-ünce*. Имеет временно́е значение с оттенком "как только", "лишь только", например: *al-ínca* "как только взял", *ver-ince* "как только дал", *oku-y-unca* "как только прочитал", *gel-ince* "как только пришел"; в переносном смысле: "что касается" – послелог с дательным падежом. Отрицательная форма: *ál-ma-y-ınca* и *ál-mı-y-ınca* "пока не возьмет" (так приходится переводить по требованию русского стиля, ср. *para almayınca gitme* "не уходи, пока не получишь денег", досл.: "не уходи, как только не получишь денег"); другой вариант для отрицательной формы: *alınca-y-a kadar* "пока не получит"[49].

6. На *'-madan//'-meden*: *álmadan* "прежде чем взять", "не беря", *vér-meden* "прежде чем давать", "не давая". Происхождение аффикса не выяснено. Деепричастие употребляется только от положительной основы глагола.

7. На *-díkça//-dikçe// -dúkça//-dükçe//-tíkça//-tikçe//-túkça//-tükçe* (после глухих согласных), например: *al-dıkça* "по мере того как брал", "поскольку брал"; *ver-dikçe* "поскольку давал", "по мере того как давал"; *ol-dúkça* "поскольку был", "по мере того как был"; в переносном смысле наречие со значением "порядочно", "довольно-таки": *oldukça güzel* "довольно красивый". Исторически деепричастие восходит к отглагольной форме на *-dık* (см. ниже)[50].

8. На *-ken*. Аффикс восходит к глаголу: *i-mek* "быть"; форма *i-ken* прибавляется к основе настояще-будущего времени (реже – других времен индикатива). Примеры: *alır iken* > *alírken* "в то время как брал", "между тем как брал", *gelir iken* > *gelírken* "в то время как приходил", "пока приходил", *gelmez iken* > *gelmézken* "в то время как не приходил", "пока не приходил".

9. *Na'casına//-cesine*. Прибавляется к основе настояще-будущего времени и выражает кажущееся, фиктивное действие, например: *alır-casına* "как будто брал", "словно брал", *gelir-cesine* "как будто приходил", "словно приходил", *gelmez-cesine* "как будто не приходил", "словно не приходил".

10. *Na-meksızın//-meksizin*: *almaksızın* "без того, чтобы брать" = "не беря", *vermeksizin* "без того, чтобы давать" = "не давая".

Деепричастие восходит к инфинитиву, к которому прибавлены: 1) аффикс *-sız* и 2) архаичный безударный аффикс инструментального падежа *-ın//-in//-un//-ün*. Деепричастие употребляется только в положительной форме. На других (архаичных) деепричастиях (вроде *aluban, almağın, alıcak* и т.д.) мы здесь не останавливаемся.

Форма на *-dık*. Отглагольное образование с аффиксом *-dık//-dik//-duk//-dük//-tık//-tik//-tuk//-tük* (после глухих согласных) совмещает в себе особенности отглагольного существительного с особенностями причастия двух времен (настоящего и прошедшего) и, кроме того, различает лица глагола. Не имея эквивалента в других языках, форма эта за последнее время обозначается аналитически, именно как «форма на *-dık*». Таким образом, единая форма на *-dık* недифференцированно передает: 1) две части речи, восходящие к глаголу: существительное и прилагательное-причастие, 2) два времени: настоящее и прошедшее, а также 3) два залога: действительный и средне-страдательный. Дифференциация возможна только в контексте, т.е. синтаксически; морфологически форма на *-dık* представляет собой своего рода неопределенное уравнение со многими неизвестными. С морфологической стороны различается два варианта формы на *-dık*: 1) форма на *-dık* без аффиксов принадлежности (по употреблению - более старый тип), 2) форма на *-dık* с аффиксами принадлежности. Форма на *-dık* без обязательных аффиксов принадлежности допустима для современного языка в следующих случаях.

1. С формантом местного падежа, т.е. по типу *al-dık-ta, ver-dik-te, bul-duk-ta, gör-dük-te*. Наличие падежного форманта конкретизирует значение формы на *-dık*, которая воспринимается здесь как отглагольное существительное. Таким образом, приведенные примеры значат: "при взятии", "при давании", "при нахождении", "при видении", что соответствует определенному типу русских придаточных времени: «когда взял», «когда дал», «когда нашел», «когда увидел».

2. С формантом исходного падежа и в зависимости от послелога *sonra*, т.е. *al-dık-tan sonra, ver-dik-ten sonra, bul-duk-tan sonra, gör-dük-ten sonra* = "после взятия", "после давания", "после нахождения", "после видения", т.е. "после того как взял", "после того как дал", "после того как нашел", "после того как увидел".

3. С формантом отрицания и без падежных формантов (т.е. как причастие-прилагательное), и, кроме того, [часто] при определенных фразеологических рамках (со словом *kálmadı* "не оставалось"), например: *almadık kitabım kálmadı* "не осталось ни одной книги, которой бы я не брал", *vermedik imtihanın kalmadı* "не осталось ни одного экзамена, которого бы ты не сдавал" (досл.: "невзятая книга-моя не осталась", "несданный экзамен-твой не остался") и т.д.

4. В отдельных словах, которые конкретизировали свое значение и относятся уже к области словаря, а не к области грамматики, например: *buldık* "найденыш", *bildik* "знакомый", *kaldık* "остаток", *yastık* "подушка" и др.

Из всего этого следует, что (теоретическая для современного языка) форма на *-dık* в своем первоначальном виде (исключая только что приведенные случаи) могла означать: *aldık* а) "взятие теперь//прежде", б) "берущий//взявший", в) "беромый//взятый"; *verdik* а) "давание теперь//прежде", б) "дающий//давший", в) "даваемый//данный".

Естественно, что для непереходных глаголов третий ряд отпадал: *geldik*: а) "приход теперь//прежде", б) "приходящий//пришедший".

Тем не менее с формальной стороны непереходные глаголы иногда трактовались как переходные (подробнее см. ниже).

Форма на *-dık* с обязательными аффиксами принадлежности (обычный способ употребления в современном языке, допустимый от любого глагола) внешне не отличается от формы принадлежности существительных с исходом на гласный + *k*:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*aldığ-ım*	*aldığ-ımız*
	verdiğ-im	*verdiğ-imiz*
2-е л.	*aldığ-ın*	*aldığ-ınız*
	verdiğ-in	*verdiğ-iniz*
3-е л.	*aldığ-ı*	*aldık-ları*
	verdiğ-i	*verdik-leri*

Как говорилось выше, форма на *-dık* (в таком виде) может функционировать двояко: 1) как существительное, 2) как прилагательное. Это обстоятельство не должно нас удивлять, поскольку вообще прилагательное и существительное в турецком языке формально не дифференцированы. Дифферен-

ция проявляется только в контексте. Форма на *-dık* как существительное склоняется или подчиняет себе какое-нибудь определение – прилагательное или существительное, стоящее перед самой формой на *-dık*. Форма на *-dık* как прилагательное стоит перед существительным и сама не изменяется по падежам.

I. Форма на *-dık* в функции существительного означает: 1) акт или процесс действия: *aldığım* "тот факт (то обстоятельство), что я беру (брал)" и т.д. по всем лицам обоих чисел, *verdiğim* "тот факт (то обстоятельство), что я даю (давал)" и т.д. по всем лицам обоих чисел.

Естественно, что, например, *almadığım* означает: "тот факт (то обстоятельство), что я не беру (не брал)" и т.д. по всем основным аспектам глагола. Примеры: *Türkiyeden mektup aldığım bellidir* "Известно, что я получаю письма из Турции" (досл.: "тот факт, что я получаю ~ получал письма из Турции, известен"), *para verdiğinizi işittim* "я слышал, что вы заплатили деньги" (досл.: "я слышал тот факт, что вы даете ~ давали деньги"), *geldiklerini biliyorum* "я знаю, что они приехали" (досл.: "я знаю тот факт, что они приезжают ~ приехали"), *beni sevmediğinizi biliyorum* "я знаю, что вы меня не любите" (досл.: "я знаю тот факт, что вы меня не любите ~ не любили"); 2) объект или результат действия, т.е. *aldığım* "то, что́ (не: "то́, что..", которое равняется формуле "тот факт, что ...") я беру (брал)", *verdiğim* "то, что́ я даю (давал)" и т.д. по всем лицам обоих чисел. Примеры: *aldığım işte budur* "то, что́ я беру (брал) – вот оно". *Okuduğunuz nerede?* "Где то, что вы читаете?"; *Okuduğum buradadır* "То, что я читаю, здесь"; *Kazandığımız, yirmi rubleden ziyade değil* "То, что мы заработали, не превышает двадцати рублей".

II. Форма на *-dık* в функции прилагательного: *aldığım* "тот, который (которого) я беру (брал)", *verdiğim* "тот, который (которого) я даю (давал)", *görmediğim* "тот, который (которого) я не вижу (не видел)", и т.д. по всем лицам обоих чисел. Примеры: *Okuduğum kitap buradadır* "Книга, которую я читаю, здесь"; *Okuduğum kitabı veriniz* "Дайте ту книгу, которую я читаю"; *Yazdığınız kitabın adı nedir?* "как называется книга, которую вы написали (пишите)?"; *Sattıkları üzüm iyi değil* "Виноград, который они продают, нехороший".

Хотя логически непереходные глаголы не могут стоять в форме на *-dık* оттенка I_2 и II, фактически они могут употребляться по схеме II, причем для русского перевода приходится (по требованию русского стиля) вводить относительное местоимение «который» в косвенных падежах без предлога или же с предлогом. Примеры: *oturduğum ev* "дом, в котором я живу" (досл.:

"дом, который я живу"); *girdiğim oda* "комната, в которую я вошел" (досл.: "комната, которую я вошел"), *çıktığı ağaç* "дерево, на которое он влез" (досл.: "дерево, которое он влез"); *rastgeldikleri adam* "человек, с которым они встретились" (досл.: "человек, которого они встретились"); *yattığın karyola* "кровать, на которой ты лежал" (досл.: "кровать, которую ты лежал").

Дополнительно следует отметить, что форма на *-dık* с аффиксами принадлежности может, как и всякая форма принадлежности, иметь перед собой родительные падежи личных местоимений, присутствие которых не нарушает общего строя фразы. Примеры: *Benim okuduğum* (или просто *okuduğum*) *kitap buradadır* "Книга, которую я читаю, здесь"; *Sizin geldiğinizi* (или просто *geldiğinizi*) *işittim* "Я слышал, что вы приехали"; *Onun dediğini* (иногда просто: *dediğini*) *anlamadım* "Я не понял того, что он говорил". Подобно тому как из формы принадлежности вырастает форма изафета, так и здесь вместо родительного падежа местоимений может быть родительный падеж любого существительного, составляя изафет с формой на *-dık*. Примеры: *Muallim-in okuduğ-u kitap buradadır* "Книга, которую читает учитель, здесь"; *Hekim-in geldiğini işittim* "Я слышал, что доктор приехал"; *Baban-ın dediğini anlamadım* "Я не понял того, что говорил мой отец".

Буквально те же функции (и те же способы изменения), но только применительно к будущему времени имеет так называемая форма на *-acak*, т.е. причастие будущего времени, снабженное аффиксами принадлежности.

Строго говоря, следовало бы вести речь о единой категории на *dık// acak*. Примеры на образование формы на *-acak*:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	*al-acağ-ím*	*al-acağ-ımíz*
	ver-eceğ-ím	*ver-eceğ-imíz*
2-е л.	*al-acağ-ín*	*al-acağ-ıníz*
	ver-eceğ-in	*ver-eceğ-iniz*
3-е л.	*al-acağ-ı*	*al-acak-ları*
	ver-eceğ-i	*ver-ecek-leri*

Перевод (по схемам I_1, I_2 и II – см. выше) тот же, что и для формы на *-dık*, но только применительно к будущему времени. Примеры: *Sizin geleceğinizi* (или *geleceğinizi*) *bilir* "Он знает, что вы приедете"; *Onun oturacağı yer hoşuma gitmiyor* "Место, в котором он будет жить, мне не нравится"; *Babamın deyeceğini biliyorum* "я знаю, что будет говорить мой отец"; *Benim nereye gideceğim daha belli değildir* "Куда я поеду – еще не из-

вестно"; *Onun vereceği cevap herkese malûmdur* "Ответ, который он даст, известен каждому".

Одной из особенностей употребления формы на *-acak* сравнительно с формой на *-dık* является то, что форма на *-acak* может стоять в особом дательном падеже вне зависимости от каких-либо управляющих элементов. Примеры: *alacağım-a* "вместо того чтобы мне брать", *senin geleceğine* "вместо того чтобы тебе приходить", *sizin gideceğinize* "вместо того чтобы вам ехать". Разобранная выше конструкция *gelmekten ise* "вместо того чтобы ехать" не показывает лица.

Наречия в турецком языке формально не отделены от прилагательных и осознаются только в синтаксическом плане, поскольку каждое прилагательное, становясь перед глаголом, выполняет функцию наречия. Примеры: *fena okumak* "плохо читать", *fena adam* "плохой человек"; употребленное в изоляции *fena* может иметь двоякое значение - "плохой" и "плохо".

Что касается немногочисленных случаев, когда наречия оформились и морфологически, то здесь надо отметить:

а) наречия на *'-ca//'-ce//'-ça//'-çe* (после глухих), например: *tatár-ca* "по-татарски", *rús-ça* "по-русски", *ermeni-ce* "по-армянски", *türk-çe* "по-турецки", *bén-ce* "по-моему", *bíz-ce* "по-нашему";

б) наречия времени на *-ın//-in//-un//-ün* (рудимент инструментального падежа): *kíş-ın* "зимой", *yáz-ın* "летом", *güz-ün* "осенью"; вариант аффикса: *-la(-y)-ın//-le(-y)-in* (графически только *-leyin*): *sabah-léyin* "утром", *gece-léyin* "ночью";

в) наречия места: *burada* "здесь", *buraya* "сюда", *buradan* "отсюда"; *orada* "там", *oraya* "туда", *oradan* "оттуда"; *şurada* "вон там", *şuraya* "вон туда", *şuradan* "вон оттуда"; *nérede?* "где?", *néreden?* "откуда?", *néreye?* "куда?".

Кроме этого, можно отметить ряд отдельных слов, как то: *şímdi* "теперь", *dün* "вчера", *yárın* "завтра", *daha* "еще", *évet* "да" и другие, а также ряд заимствованных как лексические элементы слов: *elbétte* "конечно", *ásla* "по существу", *háyır* "нет", *derhal* "тотчас", *bélki* "может быть" и т.д.

Союзы в большинстве случаев заимствованы: *ve* "и", *hem-hem* "и - и", *ne - ne* "ни - ни", *ya* "или", *yáhut* "или", *eğer* "если", *fakat, lâkin, ámma* "а", "но", "однако", *bári* "по крайней мере", *çünkü* "потому что", *güya* "кажется", *yáni* "то есть", *halbuki* "между тем" и др. Реже - турецкие: *gerek - gerek* "как - так", *ister - ister* "или - или"; союз - аффикс (т.е. имеющий звуковые варианты) *'-da//'-de//'-ta//'-te* и в двойном употреблении *'-da - '-da*, например: *bén de sén de* "и я и ты", *kitáp ta defté́r de* "книга и тетрадь".

СИНТАКСИС

Определение и определяемое. Определение (любого типа) по общему правилу ставится перед определяемым, например: *küçük çocuk* "маленький ребенок", *üç taş* "три камня" (досл.: "три камень"), *dördüncü gün* "четвертый день", *demir parmaklık* "железная решетка" (досл.: "железо-решетка"), *muallim odası* "учительская комната" (досл.: "учитель+комната-его"), *muallimin odası* "комната учителя" (досл.: "учителя+комната-его"), *Osman oğlu* "сын Османа", "Османов".

Исключения представляют заимствованные иностранные конструкции: а) персидский изафет: *lisan-i türki* "турецкий язык" (досл.: "язык, который турецкий")[51], б) арабские эпитеты, восходящие к сакральным формулам, первоначально стоявшим после определяемого слова: *hoca merhum* "покойный ходжа", т.е. Насрэддин (досл.: "ходжа покойный").

Приложения турецкой конструкции ставятся также перед определяемым: ср. отмененные обозначения* *Ahmet efendi* "Ахмет эфенди", *Fitnet hanım* "Фитнет ханым", *Hikmet bey* "Хикмет-бей". Приложения такой конструкции, как *sultan Hamit* "султан Хамит", *haci Murat* "хаджи Мурат", отражают арабский и персидский синтаксис (нечего и говорить, что для русского языка «Хаджи Мурат» Толстого представляется единым грамматическим целым, в котором нет оснований выделять приложение). Новые формы: *bay Ahmet* "господин Ахмет", *bayan Fatime* "госпожа Фатимэ" составлены под влиянием европейских сочетаний *Mer Jarikoff* и *Mme de Courdukoff*.

Определение (любого типа), стоя перед определяемым, грамматически не изменяется при всех изменениях определяемого. Отсюда, в частности, следует, что при склонении всего словосочетания определение остается неизменным и что, если определяемое принимает множественное число, определение остается в единственном. Примеры: *küçük çocuk-lar* "маленькие дети", *üç taş-ta* "на трех камнях", *dördüncü günler* "четвертые дни", *demir parmaklık-tan* "от железной решетки", *muallimin odasında* "в комнате учителя".

Особый тип определения представляют сложные эпитеты, в которых нетрудно установить как бы разомкнутую цепь субъекта и предиката, например: *el-i dar* (пишется вместе: *elidar*) "скупой", досл.: "рука его" (потенциальное подлежащее) "узкая" (потенциальное сказуемое; аффикс сказуемости

---

* Т.е. официально упраздненные гражданские термины "эфенди", "бей", "паша" и т.д. - *Ред.*

отсутствует), *gözü açık* "бдительный" (досл.: "глаз его открытый"), *iki gözü kör* "слепой на оба глаза" (досл.: "оба глаза его слепые").

Количественный определитель, стоя перед определяемым, как бы избавляет определяемое от необходимости принимать форму множественного числа, поскольку эта роль выполняется определителем: *on ev* "десять домов" (досл.: "десять дом"), *yüz kitap* "сто книг" (досл.: "сто книга"), *çok kız* "много девиц" (досл.: "много девица"), *az çocuk* "мало детей" (букв.: "мало дитя"), *kaç ruble?* "сколько рублей?" (досл.: "сколько рубль").

Между количественным определителем и определяемым часто ставятся так называемые нумеративные слова, т.е. обозначения счетных единиц той категории, к которой относится определяемое. Примеры: *yirmi beş at* "двадцать голов лошадей", *dört adet kitap* "четыре штуки книг", *altı tane elma* "шесть штук яблок". К нумеративным словам относятся далее такие, как *parça* "кусок", в выражении *parça ekmek* "кусок хлеба" или *bir parça ekmek* "один кусок хлеба", *tabak* "тарелка" во фразе *bir tabak çorba* "одна тарелка супу" (досл.: "одна тарелка суп"); ср. еще *iki şişe süt* "две бутылки молока" (досл.: "два бутылка молоко"), *beş fincan kahve* "пять чашек кофе" (досл.: "пять чашка кофе"), *beş fincan kahveden* "от пяти чашек кофе" (досл.: "пять чашка кофе-от").

Количественный определитель *bir* "один", принимающий и функции европейского неопределенного члена (*a, ein, un, uno* и т.д.) может стоять между определяемым и качественным определителем для нарочитого подчеркивания этого последнего. Примеры: *küçük bir çocuk* "ма-а-ленький ребенок" (по-русски особая интонация), тогда как *küçük çocuk* просто "маленький ребенок".

Изафет. Существительные в турецком языке формально не дифференцированы от прилагательных. То, что соответствует русским относительным прилагательным, по-турецки (исключая заимствования типа *iktisadî* "экономический" и свои образования типа *dünkü* "вчерашний" выражается существительным в особой функции. Если одно и более существительных выполняют функцию качественного определителя для другого существительного, то они составляют с ним синтаксическую конструкцию изафета (ср. *mutatis mutandis* схему status constructus семитских языков). Первой особенностью изафета является порядок слов: определение-существительное предшествует определяемому-существительному. Примеры: *demir parmaklık* "железная решетка" (букв.: "железо-решетка"), *ipek çorap* "шелковый чулок" (досл.: "шелк-чулок"), *gümüş saat* "серебряные часы" (досл.: "серебро-часы"). Такой тип изафета исторически, по-видимому, является наиболее древним. Его употребление в современном языке связано определенными семантическими условиями,

а именно: определение указывает на вещество, материал и состав определяемого. На этом основании некоторые готовы рассматривать данный тип изафета исключительно как способ словообразования; словообразовательный элемент здесь, несомненно, имеется, поскольку иногда оба понятия в представлении говорящего сливаются в одно, но, с другой стороны, нельзя рассматривать синтаксическую конструкцию изафета исключительно в плане морфологии, так как такого права не дают другие языки тюркской семьи.

Вторая особенность изафета - принятие определяемым аффикса принадлежности 3-го лица. Примеры: *Türk dil-i* "турецкий язык" (досл.: "турок // турки + язык его // их"), *deniz suyu* "морская вода" (досл.: "море + вода-его"), *ticaret odası* "торговая палата" (досл.: "торговля + палата-ее"), *halk evi* "народный дом" (досл.: "народ + дом-его"), *devlet bankası* "государственный банк" (досл.: "государство + банк-его"). Этот, второй по архаичности, случай связан по-турецки с таким смысловым содержанием, что определение указывает на родовое или коллективное понятие, в котором не производится выделение единичных, индивидуальных частей: "турок - всякий вообще // турки + язык - его // их", "море - как родовое понятие + вода - его", "торговля - всякая вообще + палата - ее".

Третья особенность изафета состоит в том, что определение может стоять в родительном падеже; этот тип изафета (третий новейший) связан с конкретизацией, индивидуализацией определения и, следовательно, определяемого. Примеры: *bu Türkün dil-i* или просто: *Türk-ün dil-i* "язык [этого] турка" - (досл.: "[этого] турка + язык-его"), *deniz-in suy-u* "вода моря" (данного), *baba-nın oda-sı* "комната отца", *köylü-nün öküz-ü* "бык крестьянина". По-русски это определение (в отличие от второго случая изафета) всегда переводится существительным в родительном падеже или в косвенном падеже с предлогом, например *kapının anahtarı* "ключ от двери" (досл.: "ключ двери") и т.д.

Определение - собственное имя логически должно бы стоять в родительном падеже для указания на конкретность, но поскольку собственное имя всегда выражает нечто конкретное и индивидуальное, можно ограничиться и вторым типом изафета. Примеры: *Türkiye-nin filosu* и *Türkiye filosu* "флот Турции", *Fransa-nın vekili* и *Fransa vekili* "представитель Франции"[52].

В случае морфологического изменения меняется только последняя часть изафета, т.е. определяемое: *ticaret odası* "торговая палата", *ticaret odasında* "в торговой палате", *ticaret odasından* "из торговой палаты", *ticaret odasına* "в торговую палату" и т.д.

Если все сочетание изафета ставится в форме принадлежности 1-го и 2-го лица, то аффиксы 1-го и 2-го лица как бы получают дополнительную функцию аффикса 3-го лица, который опускается. Примеры: *ticaret odası* "торговая палата", *ticaret oda-mız* (вместо ожидаемого **oda-sı-mız*) "наша торговая палата", *şehir kapısı* "городские ворота", *sizin şehir kapı-nız* (вместо ожидаемого **kapı-sı-nız*) "ваши городские ворота".

По схеме изафета (третьего случая) конструируются, как мы видели, образования на *-dik*, например: *baba-nın verdiğ-i kitap* "книга, которую дал отец", как бы ["отец + давание-его] + книга"), *komşu-nun söylediğ-i* "то, что говорил сосед" досл.: "соседа + говорение-его".

Персидский изафет, который в современном турецком языке не употребляется, мы здесь не рассматриваем. К конструкции турецкого изафета имеют отношение так называемые служебные имена, о которых см. подробно в сборнике «Советское языкознание», III[58].

Категории определенности и неопределенности. В турецком языке различаются следующие случаи определенности и неопределенности:

1) определенность индивидуальная, которая в неопределенном падеже выражается прибавлением слова «этот», а в родительном и винительном падежах – обязательным принятием соответствующих аффиксов (вместо *bu*). Примеры: *bu at* "конь" (= *le cheval, das Pferd*), [*bu*] *at-ın* "коня" = *du cheval, des Pferdes*), *at-ı* "коня" (= *le cheval, das Pferd*);

2) определенность коллективная, как некий коллектив, состоящий из легко поддающихся анализу отдельных единиц: *bu atlar* "кони" (= *les chevaux, die Pferde*); в родительном и винительном падежах обязательно принятие соответствующих аффиксов (вместо *bu*): (*bu*) *atların* "коней" (= *des chevaux, der Pferde*), *atları* "коней" (= *les chevaux, die Pferde*). Грамматические категории, выражающие по своему содержанию всегда определенное понятие (собственные имена, личные и указательные местоимения), всегда стоят в категории определенности: если они не нуждаются в подчеркивании посредством *bu*, то родительный и винительный падежи у них всегда оформлены: *ben – benim – beni* "я – меня – меня"; *Hasan – Hasanın – Hasanı* "Хасан – Хасана – Хасана";

3) неопределенность коллективная, как некий коллектив, объем которого не подвергался членению: *at* "кони" (=*des chevaux*), *kitap* "книги" (=*des livres, Bücher*), причем в родительном и винительном падежах сохраняется та же безаффиксная форма: *at bazarı* "базар коней" = "конский базар" (= *Pferdemarkt*), *at gördüm* "я видел коней" (= *j'ai vu des chevaux, Pferde habe ich gesehen*).

Таким образом, слово типа *at* означает: "конь – кони" или, скорее, "кони – конь", т.е. недифференцированное целое, из которого выделяется единица путем особых грамматических средств;

4) неопределенность индивидуальная, которая выражается предыдущей схемой в предшествии слова *bir* (здесь – в роли неопределенного члена): *bir at* "конь" (= *un cheval, ein Pferd*); эта же форма сохраняется в родительном и винительном падежах.

Неопределенный падеж. В тесной связи с предыдущим находится учение о неопределенном падеже турецкого склонения, например: *at* "конь", *kitap* "книга".

Этот падеж имеет следующие функции: 1) соответствует русскому именительному падежу подлежащего (т.е. casus subjectivus или nominativus), например: *at kuvvetlidir* "конь силен"; 2) соответствует русскому родительному падежу–прилагательному относительному при категории неопределенности: а) 2-й случай изафета: *at başı* [досл.] "конь-голова" ("голова какого угодно коня") = "конская голова", б) при послелогах: *at için* "для коня", при параллельной конструкции *senin için* "для тебя"; 3) соответствует русскому винительному для обозначения прямого объекта, стоящего в категории неопределенности: *kitap okumak* "читать (всякие вообще) книги" (*lire des livres*), но *kitabı okumak* "читать (данную) книгу" (*lire le livre*). Кроме этих синтаксических функций, неопределенный падеж может выполнять стилистические функции, а именно: ставиться, во избежание нескольких одинаковых падежных аффиксов, во всех словах, кроме последнего, например: *ben Türkiye, Çin ve Hindistanda idim* "Я был в Турции, Китае и Индии" (вместо теоретически ожидаемого: *Türkiyede, Çinde, Hindistanda* – ср. в русском переводе соответственный пропуск предлога «в»).

К особенностям неопределенного падежа относится его употребление для обозначения времени: *bu ay* "в этом месяце", *bir gün* "однажды", *bugün* (пишется вместе, как наречие) "сегодня".

Общие сведения о синтаксисе падежей.

Родительный падеж употребляется: 1) для указания на абстрактную принадлежность, т.е. такую, которая выражена отдельно от объекта принадлежности (предмета обладания): *babanındır* "принадлежит отцу" (ср.лат. *patris est*), *senindir* "принадлежит тебе", *devletindir* "принадлежит государству"; 2) в системе изафета при определенных условиях (см. выше); 3) перед послелогами – при определенных условиях (см. выше).

Дательный падеж обозначает: 1) косвенный объект – *sana bir kitap veririm* "я дам тебе одну книгу", *kardeşine bir hat yazdırırım* "я заставлю

своего брата (для турецкого языка косвенный объект!) написать письмо" (прямой объект); 2) приближение или уподобление – *deveye benzemek* "быть похожим на верблюда", *işe başlamak* "начинать работу", т.е. приступать к работе, *bakımsızlara karışmak* "смешиваться с беспризорными", т.е. вступать в среду беспризорных; 3) конечную пространственную цель движения – *odaya girmek* "войти в комнату", *ağaca çıkmak* "влезть на дерево", *tramvaya binmek* "сесть в трамвай"; 4) конкретную цель иного порядка – *suya gitmek* "идти за водой", *odına gitmek* "идти за дровами"; 5) цену – *kaça?* "почем?", *on rubleye* "за 10 рублей"; 6) он же стоит при отдельных арабских именах – *mecbur* "вынужденный на что", "обязанный к чему", *razı* "довольный чем", "согласный на что", *muhtaç* "нуждающийся в чем", *mahsus* "свойственный чему", *dair* "касающийся чего", "относящийся к чему", *ait* "принадлежащий чему" и т.д.; 7) при турецких глаголах – *dokunmak* "касаться чего", *sormak* "спрашивать кого", но "спрашивать о ком" – винительный падеж, *doldurmak* "наполнять", "заряжать чем" (но "наполнять что" – винительный падеж прямого объекта) и др.

Исходный падеж обозначает: исходный пункт в пространстве и времени – *evden çıkmak* "выйти из дома", *bu günden başlamak* "начать с этого дня"; 2) орудие или «посредство» действия (в широком понимании) – *sakalından tutmak* "схватить его за бороду", *alnından öpmek* "поцеловать ее в лоб", *pencereden girmek* "проникнуть через окно", а также *dükkândan almak* "покупать в лавке" *(sic!)*; 3) удаление, отдаление от кого-нибудь, чего-нибудь – *yardan ayrılmak* "разлучаться с возлюбленной", *ölümden kurtulmak* "избавляться от смерти"; 4) сравнение – *sen benden büyüksün* "ты старше меня"; 5) целое, от которого берется часть – *dostlardan biri* "один из друзей"; 6) он же стоит при отдельных глаголах – *korkmak* "бояться кого-нибудь, чего-нибудь" и др.

Из особенностей в употреблении местного падежа отметим местный падеж в формуле дробей: *yedide iki* "две седьмых", *beşte bir* "одна пятая". Ср. еще особые случаи: *ilk görüşte sevmek* "полюбить с первого взгляда" (досл.: "при первом взгляде"), *bir nefeste kadeh atmak* "опрокинуть (=выпить) стакан залпом" (досл.: "опрокинуть стакан при одном дыхании"). Употребление винительного падежа изложено выше в связи с неопределенным. Кроме того, винительным могли управлять арабские масдары, перешедшие в турецкий язык.

Категория числа. Из того, что сказано выше об определенности и неопределенности, следует, что множественное число употребляется по-турецки реже, чем по-русски. Так, по-турецки ставится единственное число при числительных и вообще словах, означающих количество ("много", "мало", "несколько", "сколько"), при словосочетании "определение + определяемое", где, как известно, определение не согласуется в числе с определяемым. Употребление единственного числа вместо множественного всегда указывает на однородность категории, т.е. на однотипность элементов, входящих в состав этой категории: *on ağaç* "десять деревьев" (одного сорта), *yüz kitap* "сто книг" (более или менее одинакового типа). Говоря так, повествующий отказывается или не берется произвести индивидуальный анализ в составе этой категории; если же этот анализ произведен и его должен учесть слушатель (читатель), то тогда надо употребить множественное число, несмотря ни на какие формальные препятствия: *on ağaçlar* "десять (разных) деревьев", *yüz kitaplar* "сто (всевозможных) книг". Поэтому-то в таких выражениях, как "комиссия семнадцати" (*on yediler komisyonu*) и т.д., всегда ставится множественное число. Ср. еще *neler gördüm* "что (собств. «чты») только я не видел!" (по-русски лучше: "чего только я не видел!"); пример из фольклора: *benim kalbimde sensin, senin kalbinde kimler* "в моем(-то) сердце ты, а в твоем сердце кто?" (досл.: "кто такие?") 54.

Подлежащее и сказуемое. Из рассмотренного нетрудно вывести, что согласование подлежащего и сказуемого в числе проводится по-турецки реже, чем по-русски. Если подлежащее, хотя бы оно формально стояло во множественном числе, представляется однородной категорией, то тогда сказуемое надо ставить в единственном числе, поскольку все действие рисуется единым и нерасчленимым: *onlar geldi* "они пришли" (все сразу, как один, не отличаясь один от другого в действии). Если же в подлежащем необходимо различать отдельные элементы, действующие порознь, индивидуально, то надо поставить множественное число: *onlar geldiler* "они пришли" (каждый в отдельности).

Таково общее положение, которое в известной мере, напоминает различие между русскими оборотами: "пришло (*geldi*) десять человек и десять человек пришли" (*geldiler*). Фактически множественное число сказуемого чаще встречается тогда, когда подлежащее – одушевленный предмет: *adamlar ihtiyardırlar* "люди стары", но: *masalar eskidir* "столы стары". Что касается согласования в лицах, то при столкновении нескольких 1-му лицу «отдается предпочтение» перед 2-м и 3-м, 2-му перед 3-м. Примеры: *Yusuf ve ben Moskovaya gideceğiz* "Юсуф и я поедем в Москву", *Hasan ve sen iyi okuyorsunuz* "ты и Хасан хорошо учитесь".

Что касается безличных оборотов, то многим из русских безличных предложений, трактующих о явлениях природы, по-турецки соответствуют

личные, например: *tan atti* "рассвело" [досл.: "заря выстрелила *(sic!)* из лука"], *sular kararđı* "стемнело" (досл.: "воды почернели", так говорят в Константинополе; для других мест более характерно *ortalık kararđı* "горизонт почернел"); ср. еще *kar yağıyor* "il neige", "es schneit" (досл.: "снег выпадает"). Строго говоря, в турецком языке существуют не безличные, а обобщенно-личные обороты, которые выражаются: а) 3-м лицом множественного числа, например *buna ne derler?* "как это называют?" (досл.: "этому что говорят?"), *öyle demezler* "так не говорят"; б) 3-м лицом единственного числа страдательного залога, хотя бы он был образован и от непереходного глагола, например: *böyle denilmez* "так не говорят" (= "так нельзя сказать"), *bu köprüden geçilmez* "по этому мосту не проходят (= "прохода нет"), *nereden geçilir* "где же проходят?" (= "где можно пройти?").

Порядок слов в простом предложении. Из общей схемы порядка слов в предложении надо выделить особую линию - порядок слов в сочетании «определение + определяемое». Этот порядок, всегда стандартный, осуществляется независимо от других линий в предложении: какой бы частью предложения ни являлось определяемое, его определение должно стоять перед ним. По мнению некоторых, по этому типу построена традиционная схема всего турецкого предложения в целом: определяющая часть (субъект и его зона, фактически, конечно, зона субъекта + субъект) и определяемая часть (фактически: зона предиката + предикат). Общая структура предложения определяется следующими линиями соотношений: 1) подлежащее - сказуемое, 2) дополнения - глагол, с подразделением: а) прямое дополнение - косвенное дополнение, 3) обстоятельства - глагол, с подразделением: обстоятельства - все предложение в целом.

В обычной повествовательной речи (лишенной специальной акцентуации и экспрессии): 1) подлежащее обычно стоит перед сказуемым: *Mahmut okuyor* "Махмут читает", *kitap nerede?* "книга где?"; 2) дополнения стоят перед глаголом: *kitap okumak* "читать книгу", *mektup yazmak* "писать письмо", *sana sormak* "спрашивать тебя", причем косвенное дополнение ставится перед прямым: *talebeye mektup yazdırmak* "заставить ученика (для турецкого языка косвенный объект!) написать письмо" (прямой объект), *çocuğa bir elma vermek* "дать ребенку яблоко"; 3) обстоятельства стоят перед глаголом: *dün geldim* "я пришел вчера", *hastalıktan gelmedi* "он не пришел по болезни", *koşarak geldi* "он прибежал (досл.: "пришел бегом"), *Moskovada üç gün kaldık* "В Москве мы пробыли три дня"; если обстоятельства не очень тесно связаны с глаголом и скорее относятся ко всему предложению, то они могут стоять в начале его: *Bir gün akşamleyin oduna gitti* "Однажды вечером пошел он за дровами".

Во всех тех случаях, когда подчеркивается логическое ударение или экспрессия, соотносительные члены предложения меняются местами: 1) подлежащее со сказуемым: *yok olsun cahillik* "долой невежество!"; 2) дополнение со сказуемым: *al mektubu* "возьми письмо"; 3) обстоятельство со сказуемым: *gel buraya* "пойди сюда!". В случае скопления нескольких однородных второстепенных членов порядок такой: сперва ставится тот, который носит более общий характер, а за ним - те, которые постепенно конкретизируют понятие: *dün akşam saat on birde* "вчера [вечером] в одиннадцать часов..."

Типы предложения. Что касается слитного[55] предложения, то, как мы только что видели, в турецком языке, естественно, существуют слитные предложения по признаку нескольких подлежащих, определений, дополнений и обстоятельств. Слитные предложения с несколькими сказуемыми по-турецки тоже существуют, но обычно выражаются так, что в личной форме глагола (verbum finitum) стоит только последнее сказуемое, а остальные передаются деепричастиями, например: *Oynayıp gülelim* "Давайте играть и смеяться" (досл.: "играя, давайте смеяться"), *Hepsini tercüme edip anlatmalıyım* "Все это я должен перевести и рассказать" (досл.: "переводя, должен рассказать"). Такие предложения, как "Он невысок ростом, но красив", по-турецки передаются сложным предложением ("Хотя он и невысок ростом, но он красив").

Структура сложносочиненных предложений не представляет чего-либо специфического. Встречаются они в художественной прозе, главным образом при описаниях, в фольклоре и разговорной речи. Союзы, связывающие отдельные части сложносочиненного предложения, встречаются сравнительно редко, поскольку вообще союзов равносильного значения (которые, как известно, в данном случае только и возможны) по-турецки сравнительно немного. Интересно отметить некоторые случаи сложносочиненных предложений, которые функционируют как сложноподчиненные, например: *Ders bitti mi, Osman eve gitti*, досл.: "Кончился ли урок - Осман пошел домой" = "Чуть только урок кончился, Осман пошел домой"[56] (ср. фр. *la leçon fût-elle terminée...* и русское «приди он ко мне - я ему покажу»). Ср. также: *at ölür, nalı kalır* "лошадь умирает - остается подкова", т.е. "когда лошадь умирает, остается подкова" (ср. русский эпический оборот: "конь бежит - земля дрожит", где внутренняя связь частей основана на принципе временного соотношения или отношения причины к следствию).

Наиболее обычный тип предложения в литературном языке - сложноподчиненный, но, строго говоря, чаще всего встречаются не главное с придаточным или придаточными, а причастные и деепричастные обороты, а также обо-

роти, построенные на форме *-dık//-acak*. С этой точки зрения далеко не всякому русскому придаточному будет соответствовать турецкое придаточное и *-eceğine mukabil* – обратно. Придаточными предложениями в настоящем смысле из турецких конструкций можно считать:

1. Предложения, вводимые словом *ki* (исторически – персидское; его значение в турецком: "что", "который", "так что"); они соответствуют русским:

а) придаточным дополнительным и придаточным подлежащим: *Dedim ki imtihan olmayacak* "Я сказал, что экзамена не будет"; *Herkese malûmdur ki imtihan olmayacak* "Каждому известно, что экзамена не будет"; *İşittim ki evlenmişsiniz* "Я слышал, что вы женились"; *İyi ki susmadım* "Хорошо, что я не промолчал";

б) придаточным определительным (редко), например: из народной песни: *O ki derim ben sana, söyle derdini bana* "О ты, с которой я говорю, поведай мне твою скорбь" интересный и известный во многих других языках оборот (досл.: "та которая говорю я с тобой, поведай..."), из посл.: *adam var ki adamların nakşıdır* "есть (такой) человек, который является украшением людей, а есть...";

в) придаточным следствия: *O kadar yoruldum ki eve gidemedim* "Я так устал, что не мог идти домой"[57].

2. Предложения, вводимые союзом *çünkü*: *Mektebe gitmedim çünkü hasta düştüm* "Я не пошел в школу, потому, что (так как) заболел".

Как и русское «потому что», турецкое *çünkü* (исторически – из персидского) не может стоять в начале предложения; если придаточное причины предшествует главному, то по-турецки употребляются другие обороты.

3. Условные предложения, в которых в зависимости от оттенка ставятся разные типы условных форм (для «реального» случая; условная модальность – в придаточном и настоящее-будущее или другие времена [изъявительного наклонения] – в главном; для «ирреального»: прошедшее условного наклонения или прошедшее желательного наклонения – в придаточном и неопределенный имперфект или другие [определенные] времена – в главном; для «предположительного» случая – описательные типы условных форм в придаточном. Союз *eğer* "если" (из персидского) в начале придаточного не обязателен. Примеры: *Eğer postaya gidiyorsan benim için bir pul al* "Если ты сейчас идешь на почту, купи мне марку"; *Ne ekersen onu biçersin* "Если что посеешь, то это и будешь жать" – "что посеешь, то и пожнешь"; *Eğer boş vaktim olsaydı, gezmeğe giderdim* "Если бы у меня было свободное время, я пошел бы гулять"; *Sen türkçe bilseydin, seninle konuşurduk* "Если бы ты знал по-турецки, мы бы разговаривали с тобой"; *Bana bir mektup gelecek*

olursa, derhal haber ver "Если мне, предположим, придет письмо, – дай знать немедленно".

4. Уступительные предложения, которые для турецкого языка являются частным случаем условных (после всех условных форм обязателен аффикс *-da//-de*; союзные слова *eğerçi* "хотя" и *hernekadar* "как бы они" необязательны). Примеры: *Çok çalışıyorsa da bir şey çıkmıyor* "Хоть он и много занимается, да ничего (у него) не выходит"; *Hernekadar sana uğrasam da, seni evde bulamam* "Сколько бы я к тебе ни заходил – не могу застать тебя дома".

5. Деепричастные обороты, если при деепричастии имеется свое подлежащее, отдельное от подлежащего другой части предложения. То же действительно и для формы на *-dık* в местном или исходном падежах, например: *Ben bazara giderken evimde bir yangın başladı* "Пока я ходил на базар, в доме у меня начался пожар" (досл.: "я на базар ходя, в доме моем пожар начался"); *Muallimin gelinceye kadar buradan gitme* "Не уходи отсюда, пока не придет твой учитель" (досл.: "твой учитель не придя, отсюда не уходи"); *Komşumuz buraya geleli üç yıl oldu* "Прошло три года с тех пор, как наш сосед приехал сюда" (досл.: "наш сосед сюда приехав, три года прошло").

В этом отношении турецкий синтаксис напоминает французский и синтаксис Л.Н.Толстого в «Севастопольских рассказах» (ср. оттуда: "выбежав на улицу, пули посыпались градом" и "накурившись досыта, между ними начался разговор").

6. Причастные обороты, если при причастии имеется свое подлежащее, отдельное от подлежащего другой части предложения (это бывает тогда, когда по-русски относительное местоимение «который» стоит в родительном или других падежах или может быть заменено местоимением «чей»). Примеры: *Kızı mektebimizde okuyan mühendis Moskovadan döndü* "Инженер, дочь которого учится в нашей школе, вернулся из Москвы" (досл.: "дочь его в нашей школе учащаяся инженер из Москвы вернулся"). В этой фразе русскому «которого» соответствует турецкое "его" (*kız-ı*) при подлежащем придаточного; сказуемое придаточного, выраженное причастием, логически связано со словом "дочь его" (*kız-ı*), а формально – со словом *mühendis* "инженер", определением к которому и является все придаточное: *içinde çok asker bulunan kale...* "крепость, в которой находится много солдат..." (досл.: "внутри ее много солдат находящаяся крепость"); *Eserleri çok okunan şair Kırıma gitti...* "Поэт, произведения которого усиленно (досл.: "много") читаются, поехал в Крым"; *Sudak, nüfusu pek az olan bir şehirdir* "Судак – город, в котором очень мало населения"; *Bu, hiç sanayi ol-*

sayan bir memleket değil "Это ведь не такая страна, в которой бы совсем не было промышленности"[58].

Вне этих случаев мы встречаем громадное количество причастных, деепричастных оборотов и оборотов с *-dık//-acak*; они (в различных комбинациях) и соответствуют разным типам русских придаточных.

Русские придаточные дополнительные (и косвенные вопросы) могут быть переданы:

1) конструкцией с *ki* (см. выше);

2) формой на *-dık//-acak*: *geldiğinizi işittik* "мы слышали, что вы приехали", *gittiklerini bilmiyorum* "я не знаю, куда они уехали".

Русские придаточные определительные могут быть переданы:

1) причастной конструкцией, если по-русски относительное местоимение стоит в именительном падеже: *Görünen köy kılavuz istemez* "Деревня, которая находится на виду (досл.: виднеется), не требует проводника" (посл.);

2) то же, если по-русски относительное местоимение стоит в родительном падеже (см. выше);

3) формой на *-dık//-acak* (во всех остальных случаях): *Okuduğum kitap nerede?* "Где книга, которую я читаю?", *Gideceğiniz yol işte böyledir* "вот такова дорога, по которой вы поедете".

Русские придаточные обстоятельства времени могут быть переданы:

1) деепричастиями на *-ıp, -ınca, -alı, -ken* со всей спецификой их значения (примеры см. в отделе деепричастий);

2) формой на *-dık* с послелогом *gibi* в значении деепричастия на *-ınca*: *geldiğim gibi = ben gelince...* "как только я приехал";

3) аналитической формой типа *alır almaz* "возьмет – не возьмет" = "как только возьмет [взял]" в значении деепричастия на *-ınca*: *ben gelir gelmez ...* "как только я пришел" (приду [прихожу]);

4) формой на *-dık* в местном падеже с аффиксом принадлежности (см. выше) и без аффикса: *geldiğimizde* "когда мы пришли" [приходим, придем], *her okuduğumda* "всякий раз, когда я читаю" [читал, буду читать];

5) формой на *-dık* в исходном падеже с послелогом *sonra* (см. выше);

6) служебными словами *vakit* или *zaman* "время" и другими в предшествии формы на *-dık* с аффиксом принадлежности: *işimi bitirdiğim vakit (zaman)* "когда я окончил [кончаю] свою работу (досл.: "в то время, когда я окончил [оканчиваю]...").

Русские придаточные обстоятельства причины могут быть переданы:

1) конструкцией с *çünkü* или *ki* (см. выше);

2) исходным падежом формы на *-dık*: *Meşgul olduğumuzdan* (*dolayı* – послелог необязателен) *size gelmedik* "Мы не могли прийти к вам, так как были заняты";

3) формой на *-dık* с послелогом *için*: *meşgul olduğumuz için* "так как мы были заняты".

Русские придаточные сравнительные, образа [и меры] действия могут быть выражены:

1) деепричастиями на *-dıkça, -casına, -arak, -madan, -maksızın* (см. выше в соответственном разделе) со всей спецификой их значений;

2) формой на *-dık* с послелогами *gibi* или *kadar*: *dediğim gibi yapmadın* "ты не сделал так, как я говорил", *anladığın kadar yaz* "пиши столько, сколько ты понял";

3) формой на *-dık* в сопровождении служебного слова *halde* (собств.: "при положении"): *Bunun hakkında bildiğin halde bana söylemedin* "При всем том, что ты знал об этом, ты мне ничего не сказал" = "Зная об этом, ты мне ничего не сказал".

Русские придаточные обстоятельства места перестраиваются на тип определительных ("там, где..." = "в том месте, в котором...", и т.д.) и передаются формой на *-dık//-acak* в сопровождении специфического существительного (*yerde* и других): *bulunmadığım yerde* "там, где я не был" (досл.: "в том месте, в котором я не находился").

Русские придаточные предложения цели обычно переводятся простым предложением; при разных подлежащих (главного и придаточного) могут быть переданы отдельным предложением, после которого стоит служебное слово *diye* < *deye* (исторически – "говоря", т.е. деепричастие от глагола *demek*): *Benim için eczaneden iki şişe Narzan al diye oğlunu gönderdi* "он послал сына, чтобы тот купил ему в аптеке две бутылки нарзана" (досл.: "для меня в аптеке две бутылки нарзану купи [говоря], своего сына послал").

Это же *diye* замыкает прямую речь: *Yarın size gelirim diye cevap verdi* "Он ответил: "Я завтра к вам приду" (досл.: "завтра к вам приду говоря ответ дал"). Слово *diye*, проводящее грань между чужой речью и словами автора, в эпоху старого арабского шрифта как бы заменяло кавычки латинского письма.

Литература*

По фонетике и грамматике

Гордлевский В.А., *Грамматика турецкого языка*, М., 1928.

Грунин Т.И., *Предложения с «if» в турецком языке* (Учебно-методический бюллетень", №2, М., 1951).

Гълъбов Г.Д., *Граматика на турски език. Фонетика, морфология и синтаксис*, 2-ое перераб. изд., София, 1957.

Кононов А.Н., *Грамматика турецкого языка*, М.-Л., 1941.

Кононов А.Н., *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.-Л., 1956.

Майзель С.С., *Изафет в турецком языке*, М.-Л., 1957.

Михайлов М.С., *Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе*, М., 1954.

Самойлович А.Н., *Краткая грамматика современного османско-турецкого языка*, Л., 1925.

Севортян Э.В., *Фонетика турецкого литературного языка*, М., 1955.

Церуниан С.К., *Курс османских разговоров*, т.I, М., 1924 (стеклографированное издание).

Baha M., *Yeni türkçe gramer*, İstanbul, 1940.

Banguoğlu T., *Ana hatlariyle türk grameri*, İstanbul, 1940.

Buzin L., Les travaux linguistiques en Turquie république ("Anadolu", t.I, Paris, 1952).

Deny J., *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1920.- Имеется турецкий перевод: "*Türk dili grameri (osmanli lehçesi)*", Tercüme eden Ali Ulvi Elöve, İstanbul, 1941.

Deny J., *Principes de grammaire turque* ("Turk" de Turquie), Paris, 1955.

Ezre A.C., *Türk dilbilgisi*, İstanbul, 1945.

Gödel R., *Grammaire turque*, Genève, 1945.

Hagopian V.H., *Ottoman-Turkish conversation-grammar*, London - Heidelberg, 1907.

Jansky H., *Lehrbuch der türkischen Sprache*, Leipzig, 1943.

Németh J., *Türkische Grammatik*, Berlin - Leipzig, 1917.

Rossi E., *Manuale di lingua Turca*, vol. I, *Grammatica elementare, esercizi, vocabulario*, Roma, 1939.

Shibata Takeshi, *Türkisch* ("An introduction to the languages of the World", vol.2, Tokyo, 1955).

Weil G., *Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache*, Berlin, 1917.

По лексикологии и лексикографии

Вещилова В.Ф., *Глаголы движения в турецком языке*, Автореферат канд.дисс., М.- Л., 1951.

Полякова В.Е., *Вопросы лексики современного турецкого литературного языка*, Автореферат канд. дисс., Л., 1953.

Baydur Y., Suat, *Dilimiz ve Yunan-Lâtin asılli kelimeler* ("Türk dili araştırmaları yıllığı", Belleten, 1953).

Bittner M., *Der Einfluss des Arabischen und Persischen auf Türkische* ("Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften", Phil.-hist. Klasse, Bd.142, Heft III, Wien).

Bombaci A., *Tre antici imprestiti romanzi in turco-osmanli* ("Rocznik Orientalistyczny", t.XVII, Kraków, 1953).

Bonelli L., *Elementi italiani nel turco ed elementi turchi nell'italiano* ("L'oriente", I, 3, 1894).

Bouvat L., *Les emprunts arabes et persans en Turc osmanli* ("Kéleti Szemle", t. IV, Budapest, 1903).

Kraelitz-Greifenhorst Fr., *Armenische Lehnwörter im Türkischen* ("Հանդէս ամսօրեայ", 1911).

Kramsky J., *On the oldest stratum of words in the basic lexical fund of modern Turkish* ("Archiv Orientální", t. XXIV, Praha, 1956).

Meyer G., *Türkische Studien. I. Die griechischen und romanischen Bestandteile im Wortschatz des Osmanisch-Türkischen* ("Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaten", Bd.128, №1, Wien, 1893).

Miklosich Fr., *Die slavischen, magyarischen und rumänischen Elemente in türkischen Sprachgeschichte* ("Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften", Bd.118, №5, Wien, 1889).

Munkacsi B., *Arische Sprachdenkmäler in türkischen Lehnwörtern* ("Kéleti Szemle", t. I, Budapest, 1900).

Munkacsi B., *Beiträge zu den alten arischen Lehnwörtern im Türkischen* ("Kéleti Szemle", t. VI, Budapest, 1905).

---

* Более подробные библиографические сведения по турецкому языку можно найти в книге А.Н.Кононова, на которую делались ссылки в примечаниях к тексту. - *Ред.*

Titze A., *Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch* ("Oriens", vol. 8, Leiden, 1955).

Вочкарев П.С., *Боевой турецко-русский и русско-турецкий словарь*, изд.3, исправленное и дополненное, М., 1942.

Вранчев Н. и др., *Турско-български речник*, София, 1952.

Магазаник Д.А., *Турецко-русский словарь*, под редакцией проф.В.А.Гордлевского, М., 1931; изд.2, переработанное и дополненное, М., 1945.

Магазаник Д.А. и Михайлов М.С., *Русско-турецкий словарь*, М., 1943.

Ağakay M.A., *Türkçe sözlük*, İstanbul, 1945; 2-nci baskı, Ankara, 1955; 3-üncü baskı, Ankara, 1959.

Ağakay M.A., *Türkçede yakın anlamlı kelimeler sözlüğü-Bir deneme*, Ankara, 1956.

Ağakay M.A., *Türkçede mecazlar sözlüğü*, Ankara, 1949.

Heuser-Şevket, *Türkisch-deutsches Wörterbuch*, 3. verbesserte und stark erweiterte Auflage, verfasst. und herausgegeben von Fritz Heuser, Wiesbaden, 1953.

Hony H.C. and Iz F.A., *Turkisch-English dictionary*. 2 ed., Oxford, 1957.

Kélékian D., *Dictionnaire turc-français*, Constantinople, 1911.

مش. سامی. قاموس ترکی. درسعادت. ۱۳۱۷ - ۱۳۱۸

По диалектологии

Максимов В., *Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендигяре и Карамании*, СПб., 1867.

Писарев В., *Несколько слов о трабизондском диалекте* ("Записки Восточного отдела Русского археологического общества," т.XIII, СПб., 1901).

Kowalski T., *Dialectes turcs-osmanlis* ("Encyklopédie de l'Islam", t.IV, livraison O, Leiden-Paris, 1931).

По истории языка

Грунін Т., *Этапи розвитку турецької літературної мови* ("Мовознавство", № 3 - 4, 1935, Київ).

Дюкия С.С., *Пространный реестр Гардисганского вилайета*, кн. I. Текст, Тбилиси, 1947.

Смирнов В.Д., *Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках*, СПб., 1891; изд.2, СПб., 1903.

Banguoğlu T., *Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Neybahar*, Inauguraldissertation, Breslau, 1938.

Bombaci A., *La "Regola del Parlare Turcho" di Filippo Argenti*, Napoli, 1938.

Bombaci A., *Padre Pietro Ferraguti e sua Grammatica Turca* ("Annali", Publicazione dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli, Nuova Serie, vol. I; Scritti in onore Luigi Bonelli, Roma, 1940).

Duda H., *Die Sprache der Qyrq-Vezir Erzählungen*, I Teil. *Formenlehre* ("Morgenländische Texte und Forschungen", II, Leipzig, 1930).

Fekete L., *Die Siyāqat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung. Beitrag zur türkischen Paläographie*, Bd.I - II, Budapest, 1955.

Rossi E., *Importanza dell'inedita grammatica turca di Pietro Della Valle*. Atti de XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti (Roma, 1935), Roma, 1938.

Zajączkowski A., *Studia nad językiem staroosmańskim*. I. *Wybrane ustępy z anatolijsko-tureckiego przekładu Kalili i Dimny*, Kraków, 1934.

Zajączkowski A., *Studia nad językiem staroosmańskim*. II. *Wybrane rozdziały z anatolijsko-tureckiego przekładu Koranu*, Kraków, 1937.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 А также Кипра и некоторых других территорий.

2 В дальнейшем Н.К.Дмитриев отказался от термина "анатолийско-турецкий", остановившись, как и другие советские языковеды, на старом русском названии "турецкий" в его исконном значении "относящийся к туркам, Турции". Термин "анатолийско-турецкий" некоторое время был распространен как за рубежом, так и в самой Турции. Он встречается и в настоящее время. Однако неправомерное ограничение названия языка, при котором обозначение части территории (Анатолия) распространяется на всю территорию (Турция), где действует турецкий язык, обнаружилось довольно скоро после введения термина "анатолийско-турецкий", и были сделаны попытки создания новых терминов (например, "reichstürkisch", "staatstürkisch" - в значении "государственно-турецкий", "официальный турецкий" и другие). При создании соответствующего обозначения для турецкого языка наряду с семантическими затруднениями играли свою роль затруднения и чисто лексические, так как, например, немецкое *türkisch* или французское *turque* означает как видовое понятие "турецкий" (*die türkische Sprache*;

la langue turque), так и родовое понятие "тюркский" (*die türkische Sprachen, les langues turques*).

В последние годы за рубежом начинает распространяться термин "турецкий язык Турции". Им часто пользуются как в Турции ("Türkiye türkçesi") – в частности в языковедной практике и изданиях турецкого лингвистического общества, – так и среди специалистов-тюркологов других стран (соответствующие термины "turk de Turquie", "Türkei – Türkisch").

[3] Автор имеет в виду персидско-арабские синтаксические элементы – в первую очередь "персидский изафет", – которые еще в конце 20-х годов занимали видное место в письменно-литературном языке и в определенных стилях устной речи, но не имели стабильного употребления в обыденном разговорном языке жителей культурно-экономических центров Турции и тем более в диалектальной речи крестьянского населения.

[4] Речь идет о некоторых известных писателях, общественных деятелях и ученых второй половины XIX в., которые поднимали свой голос против засилия арабских и персидских элементов в лексике и грамматике турецкого литературного языка того времени и призывали реформировать литературный язык, приблизив его к разговорному. Одним из первых против засоренности письменно-литературного языка выступил известный писатель Намык Кемаль. Близкие ему мысли развивали в своих статьях такие крупные политические деятели, как Мидхат-паша (в газете "Басирет", журнале "Даарджык"), Зия-паша (в газете "Хюрриет"), писатель Ибрагим Шинаси (в газетах "Тердюмани ахвяль", "Тасвири эфкяр"), известный лексикограф Шемседдин Сами-бей Фрашери (в журнале "Хафта", в газете "Сабах") и другие.

В отношении письменности стремления указанных деятелей не шли далее реформы существующего алфавита и орфографии на арабской основе, вопрос о которых, как известно, первым поднял великий азербайджанский просветитель Мирза Фатали Ахундов, выдвинувший в 1857 г. проект реформы арабского письма применительно к азербайджанскому и турецкому языкам и впоследствии составивший проект алфавита на основе русской графики.

[5] Националистическая культурно-просветительная организация, созданная в 1908 г. Неджибом Асымом и вскоре распавшаяся вследствие внутренних противоречий ее участников.

[6] Речь идет, разумеется, лишь о турецкой интеллигенции. Несмотря на известное распространение английского языка за последние годы, французский язык все еще сохраняет свое значение в Турции, оставаясь, в частности, основным источником интернациональной терминологии для научных и в значительной мере технических отраслей, хотя наряду с этим можно отметить у части лингвистов стремление к передаче интернационализмов в латинском (реже греческом) фонетическом облике.

[7] Очерк Н.К.Дмитриева писался в 1939 г., в пору увлечения в Турции пуристическими крайностями (очищение турецкого языка от арабо-персидских и вообще "нетурецких" элементов). С тех пор положение заметно изменилось, турецкий литературный язык в значительной степени перестроен, и современные установки в вопросе о его состоянии и дальнейших судьбах отличаются большей умеренностью и трезвостью, учетом опыта более чем двадцатилетней работы в области языкового строительства, в процессе которого для объективных наблюдателей еще раз выяснилась решающая роль народно-разговорного языка, равно как и необходимость сохранения преемственных связей между современным турецким литературным языком и его предшествующим состоянием. Вновь практически подтвердилась большая роль международной лексики, служащей важнейшим источником обогащения национального словаря в нашу эпоху.

Сами турки различают три течения в области языковой реформы на ее современной стадии: 1) сторонники сохранения всех арабизмов и фарсизмов – "консерваторы"; 2) крайние пуристы (*tasfiyeciler*) и 3) компромиссное течение между указанными крайними течениями.

Для современных умонастроений в турецких лингвистических кругах характерен, между прочим, отказ от пуризма как ближайшей цели языковой реформы. Удаление из словаря всех иноязычных слов в принципе сохраняется в качестве цели языковой реформы, но ее реализация переносится на будущее.

[8] За последние два десятилетия появилось значительное число публикаций старотурецких памятников (начиная с XVI и даже XIII в.), а также ряд специальных исследований, посвященных старотурецкому языку, не считая более ранних работ Г.Вамбери, К.Фоя, К.Брокельмана, Т.Ковальского, Ф.Гизе, И.Мордтмана и других [о турецких историко-лингвистических работах см.: Э.В.Севортян, *Турецкое языкознание к VIII съезду тюркских лингвистов* ("Советское востоковедение", 1958, № 2). – Здесь же приведены библиографические сведения и по другим разделам турецкого языкознания]. Имеющиеся публикации еще не составляют полной и законченной истории турецкого языка, но они уже образуют значительный фонд предварительных работ, на отсутствие которых указывал автор "Строя турецкого языка" в 1939 г.

[9] Положение автора не может поколебать тот факт, что отдельные фольклорные циклы временами "входили в моду" в придворных кругах средневековой Турции. Известным из истории турецкого языка циклом этого рода являются "Сказки сорока визирей" ("Kırk vezirlerin hikâyeleri"), язык которых уже привлекал внимание специалистов (см., например: В.Д.Смирнов, *Образцовые произведения османской литературы*, СПб., 1903, стр.XIV; см. также: H.Duda, *Die Sprache der Qyrq Vezir Erzählungen*. I Teil. *Formenlehre*, *Morgenländische Texte und Forschungen*, II, 2, Leipzig, 1930). Однако едва ли мы имеем в данном случае перед собой образец подлинного фольклора. "Сказки сорока визирей" - турецкий перевод или переработка арабского цикла новелл - скорее всего подражание фольклору, и автором или переводчиком их, вероятно, является представитель придворной литературы средневековой Турции.

[10] Остается открытым вопрос о кипрском диалекте, о котором нет достаточных данных, отчасти сирийском, а также о некоторых территориально рассеянных диалектах турецкого языка. Сводный очерк о турецких диалектах Тадеуша Ковальского (см. список литературы в конце очерка), нуждающийся в дополнениях (ср., например: J.Németh, *Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens*, Sofia, 1956 и некоторые другие диалектологические исследования), остается пока единственным сводным источником, где даются необходимые сведения о турецких диалектах.

[11] Несмотря, однако, на меры по внедрению в турецкий словарь диалектальных слов, он обновлялся все эти годы главным образом за счет неологизмов и заимствований.

Что касается орфоэпической базы современного литературного языка, то истекшие двадцать лет еще полностью не подтвердили ожидавшейся ее перестройки, и стамбульское произношение пока остается на положении официальной литературной нормы, признаваемой в школе и литературе.

[12] Автор имеет в виду некоторые турецкие элементы в арабском, персидском, отчасти среднегреческом и итальянском, а позднее и французском языках, а также проникновение большого количества турцизмов в болгарский, сербский, западноармянский и в значительной мере - в албанский, румынский, новогреческий языки и новоарабские наречия.

[13] G.Bergsträsser, *Zur Phonetik des Türkischen nach gebildeter Konstantinopler Aussprache* ("Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft", Bd.72, Berlin, 1918).

[14] Имеется в виду рецензия В.Д.Смирнова в "Журнале Министерства народного просвещения" (ч. 236, ноябрь 1884 г.) на известную "Фонетику" В.В.Радлова (W.Radloff, *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen*. I Teil. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882).

[15] Более подробно данные о позиционных вариантах гласных в турецком языке см. в упомянутом примечании 13 исследования Г.Бергштрессера.

[16] В непродуктивных аффиксах словообразования возможно соединение всех шести вариантов. Ср., например, непродуктивный именной аффикс *-ak*: *bıçak* (корень *bıç-*) "нож", *binek* (от *bin-* "садиться на лошадь, автомобиль и другие средства передвижения") "животное для езды", *kazık* (от *kaz-* "рыть") "кол", *delik* (от *del-* "сверлить") "дыра", *oyuk* (от *oy-* "выдалбливать") "впадина", "дыра", *bölük* (от *böl-* "делить") "часть", "отдел". Ср. также непродуктивный аффикс *-ar-* отыменного глаголообразования: *bozar-* (от *boz* "серый") "становиться серым", *ever-* (от *ev* "дом") "выдавать замуж", *göğer-* (от *gök* "синий", "голубой") "зазеленеть", *şişir-* (от *şiş* "опухоль", "шишка") "опухать", *köpür-* (от **köp*, ср. азерб. *kəp* "вспухлость") "пениться" и т.д. К шестивариантным относятся также непродуктивные словообразовательные именные аффиксы *-an*, *-kan//-gan*, *-kaç//-gaç* и другие; глагольные *-ka-//-ga-*, *-kar-//-gar-*, *-sa-* и другие.

[17] В истории турецкого литературного языка можно отметить длительный период в несколько веков (примерно до начала XIX в.), когда во многих словообразовательных и словоизменительных формах употреблялись предпочтительно узкие губные гласные *u*, *ü*, а негубные гласные *ı*, *i* использовались значительно реже. Это было признаком литературного турецкого произношения, о реальности которого можно судить не столько по старым грамматикам, составленным самими турками [ср., например: Bergamalı Kadri, *Müyessiret-ül-Ulûm* (*Muyassiratu-l-Ulûm*), yayınlıyan Besim Alatay, İstanbul, 1946], сколько по грамматическим сочинениям европейских авторов, транскрипция которых более достоверно передает фонетику современного им литературного языка - в том виде, как она звучала в устах представителей привилегированных слоев Стамбула (см. грамматики Ардженти, Подеста,

Меньинского и других авторов XVII–XVIII вв.). Остатком подобного произношения является, в частности, форма *idüğü* в выражении *ne idüğü belli olmıyan* "неизвестно кем являющийся" и некоторые другие, еще сохраняющиеся в диалектальной и отчасти разговорной речи.

Что касается специально диалектальных форм с узкими губными гласными вместо негубных (например, в районе Трапезунда), то пока нельзя окончательно решить вопрос об относительной хронологии их происхождения. Эти формы могут рассматриваться и как остатки более древних состояний турецкого языка, аналогии чему мы находим в значительном количестве случаев в древне- и старотюркских языках. Характерно, между прочим, наличие узких губных в ряде форм (типа *алуп, ѣлуп*) в турецких говорах, которыми пользовались и иногда еще пользуются наряду со своими родными языками представители отдельных народов, живущих на Кавказе. Однако нельзя исключать и самостоятельного сложения форм с узкими губными гласными, происходящего не без влияния старого литературного турецкого языка и не без участия коренного лазского населения указанного выше района Трапезунда.

Об аффиксах с узкими губными гласными см.: M. Räsänän, *Beiträge zur Frage der türkischen Vocalharmonie* ("Journal de la Société Finno-Ougrienne", XIV, 3, 1932) и некоторые другие работы.

[18] Произношения *yassa* и *kassa* одинаково возможны и в литературном языке.

[19] Более подробно о нёбных и ненёбных вариантах согласных в зависимости от соседнего гласного см.: Э.В.Севортян, *Фонетика турецкого литературного языка*, М., 1955, стр. 70 – 74.

[20] Сказанное о конечных звонких в арабских и персидских заимствованиях, как известно, касается лишь смычных *p/b, k/g, t/d* и аффрикат *ç/c*. Однако явление озвончения затрагивает не только исконно звонкие конечные согласные арабо-персидских заимствований, оглушившиеся на почве турецкой фонетики. В разговорном языке можно отметить определенную тенденцию к озвончению этимологически глухих конечных смычных в словах любого происхождения при наращении их аффиксами с начальным гласным. Ср., например, такие разговорные формы, как *grup* (фр.) – *grupu/grubu, prensip* (фр.) – *prensipi/prensibi, pratik* (фр.) – *pratiki/pratiği, tebrik* (араб.) – *tebriki/tebriği* и т.п. Для части подобных слов действующая орфография допускает двоякое написание смычного согласного в глухом или звонком виде, например: *senk* (перс.) "камень" – *senki/sengi, berrak* (араб.) "чистый" – *berraki/berrağı, merak* (араб.) "интерес" – *meraki/merağı, hunnak* (араб.) "ангина" – *hunnaki/hunnağı, süt* (тур.) "молоко" – *sütü/südü, gök* (тур.) "небо" *gökü/göğü* и т.п. ("Imlâ kılavuzu", Beşinci baskı, Ankara, 1957). Наряду с этим в большом числе заимствований из французского конечное *-ik* в интервокальной позиции пишется в соответствии с произношением в форме *-iğ-*, например: *teknik* "техника" – *tekniği, istatistik* "статистика" – *istatistiği, jimnastik* "гимнастика" – *jimnastiği, fizik* "физика" – *fiziği* и т.п.

[21] В разговорном языке возможно сохранение вставного гласного, например: *sınıfı* (вместо *sınfı*) "его класс", *resimi* (вместо *resmi*) "его изображение" и т.п.

[22] О других случаях ослабления и выпадения согласных см.: Э.В.Севортян, *Фонетика турецкого литературного языка*, стр. 84–93.

[23] К настоящему времени форма типа *almıyor* получила широкое распространение в художественной литературе, однако наряду с ней сохраняется параллельная форма с широким гласным: *almayor*.

[24] После некоторых колебаний примерно с 40-х годов узаконены параллельные написания с протезой или эпентезой, а также без них: *staj/sitaj, striknin/istriknin, program/purogram, sportmen/sıportmen, spiker/ispiker, spekülâsyon/ispekülâsyon, sterlin/isterlin, standart/istandart, stil/istil, plâtin/pılâtin, plân/pılân, plebisit/pılebisit, proje/puroje, Prusya/Purusya* и т.п. ("Imlâ kılavuzu", 1957, s. 146, 147, 164).

[25] А также работы Б.Коллиндера, К.Грёнбека, последние работы К.Нильсена и других. Библиографию по вопросам ударения см. в называвшейся выше "Фонетике турецкого литературного языка" (стр. 151). Дополнительно см. еще А.Махмудов, *Природа узбекского словесного ударения в сопоставлении с русским* ("Сборник работ аспирантов", Отделение общественных наук, вып.I, Ташкент, 1958); U.Š. Baičura, *Experimentalphonetische Beiträge zur Untersuchung des Wortakzents des Kazan-Tatarischen* ("Acta linguistica", t.V, fasc.3 – 4, Budapest, 1955); C.K.Solok, *Türk dilinde vurgu üzerine bir taslak* ("Varlık mecmuası", sayı 136 – 138).

[26] Отмеченные автором неясности в вопросе о месте ударения в приведенных им формах нельзя считать устраненными и в настоящее время. Несомненно, что теперь невозможно довольствоваться ни чисто теоретическим решением вопроса о месте ударения в спорных формах, ни простым слуховым наблюдением в области ударения. Надежное решение вопроса возможно лишь методами инструментальной фонетики, благодаря которой выяснились некоторые существенные стороны ударения в татарском, узбекском и других тюркских языках [см., например: U.Š. Baičura, *Experimentalphonetische Untersuchung des Wortakzents des Kazan-Tatarischen* ("Acta linguistica Academiae scientiatum hungaricae", t.V, fasc. 3 – 4, Budapest, 1955); А. Махмудов, *Природа узбекского словесного ударения в сопоставлении с русским* ("Сборник работ аспирантов", Отделение общественных наук, вып.I, Ташкент, 1958)]. Фонетико-экспериментальные исследования в области турецкого языка находятся в начальной стадии [см.: Л.Н.Старостов, *Учебник турецкого языка (вводный курс)*, М., 1951].

При анализе спорных случаев словесного ударения в турецком языке теперь приходится уже считаться с двумя фонетическими нормами: официальной литературной нормой, опирающейся на стамбульское произношение, и неофициальной, базирующейся на произношении Анкары и других важнейших городов Анатолии. Без такой дифференциации пришлось бы, например, на основании распространенной в Анатолии диалектальной формы настоящего времени *alyom, alyon* и т.д. признать, что ударение в форме настоящего времени в турецком языке вообще падает на слог *-yor*, без чего едва ли было бы возможно развитие приведенной диалектальной формы. Наоборот, на основании балканских и отчасти западных турецких диалектов можно было бы считать, что ударение в форме настоящего времени в литературном языке приходится на гласный, предшествующий аффиксу *-yor*, например *alıyor*.

Таким образом, в современном турецком литературном языке нельзя считать невозможным существование двух вариантов ударения в форме настоящего времени, связанных с различными частями турецкой языковой территории, что, однако, вполне достоверно выяснится лишь при экспериментальном исследовании данного вопроса, как и остальных неясных пока форм, в которых также возможны варианты ударения в границах литературного языка.

[27] Речь идет о 30-х годах, когда с помощью советских специалистов были сооружены текстильные комбинаты в Кайсери и Назилли на основе кредита, предоставленного Турции Советским правительством в 1932 г.

[28] Положение, описываемое автором очерка, почти не изменилось в настоящее время. Правда, после 1939 г. в Турции вышло значительное число терминологических словарей по различным областям деятельности и особенно науки; в период 1951 – 1952 гг. были выпущены школьные французско-османско-турецкие словарики применительно к предметам школьного преподавания (*"İlk ve orta öğretim... terimleri"*, Ankara, 1951 – 1952). Однако по-прежнему еще мало исследований, относящихся к коренным вопросам терминологической работы или специальным областям. Из немногих работ, посвященных данной теме, следует назвать статью С.Байдура об интернациональной лексике в турецких словарях [Suat Y. Baydur, *Dilimiz ve Yunan-Latin asıllı kelimeler* ("Türk dili araştırmaları yıllığı", Belleten, Ankara, 1953)]; статью Р.Р.Арата о грамматических терминах [Reşit Rahmeti Arat, *Gramer ıstılahları hakkında* ("Türk Dili", cilt IV, №44, 1955)], в передаче которых среди турецких языковедов наметилось, как и в других отраслях терминологической работы, несколько течений (сторонники неологизмов, сторонники интернационализмов, компромиссное течение); статью Р.Избырака о географических терминах (R. Izbırak, *Coğrafya terimleri üzerine bazı düşünceler*, Ankara, 1949).

[29] Имеются в виду неологизмы типа *siyasal* "политический" (ср. араб. *siyasî*). Однако они занимают незначительное место среди многочисленных новообразований, большая часть которых представляет собой продукт внутренних ресурсов турецкого языка. Сюда относится некоторая часть диалектизмов, но еще более значительная часть является результатом новейшего словообразования, в котором турецкие лингвисты широко применяют как продуктивные, так и непродуктивные словообразовательные – в подавляющей своей части именные (*-k, -m, -ç, -t*)-аффиксы, а также приемы калькирования и перевода (типа *denizaltı* "подводная лодка" – ср. старое *tahtelbahir* из араб., *milletlerarası* "международный" – ср. старое *beynelmilel* из араб., *olağanüstü* "чрезвычайный" – ср. *fevkalâde* из араб., *bakan* "министр" – ср. *nazır* из араб. и др.). Отмеченное автором широкое оперирование "всей сложной клавиатурой тюркских и иных языков разных эпох" в последние годы пошло на убыль, и в современной турецкой практике заметна тенденция к ограничению словотворчества использованием собственно турецких словообразовательных средств и источников.

[30] Очерк Н.К.Дмитриева о лексике турецкого языка по широте охвата материала и относящихся сюда вопросов, по глубине их освещения остается и

поные одной из лучших работ на эту тему. Он явился толчком и базой для последующих, более подробных советских исследований, посвященных или турецкому словарю в целом (см.: В.Е.Полякова, *Вопросы лексики современного турецкого литературного языка*, Автореферат канд. дисс., 1953), или отдельным его частям или аспектам (см.: В.Ф. Вещилова, *Вопросы лексики современного турецкого литературного языка*, Автореферат канд. дисс., Л., 1951), и в том и в другом случае проведенных на новейшем материале.

После 1939 г. заметно вырос интерес к общим и специальным вопросам турецкой лексикологии и за рубежом. Можно упомянуть работы, относящиеся к основному словарному фонду турецкого языка [J.Krámsky, *On the oldest stratum of words in the basic lexical fund of modern Turkish* ("Archiv orientální", roč. 24, 1956, č. 2)], турецкой ономастике [L.Rásonyi, *Sur quelques catégories de noms de personnes en turc* ("Acta linguistica Academiae Hungaricae", t. III, fasc. 3 – 4, 1953)], исследования, посвященные заимствованиям в турецком языке [A.Tietze, *Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch* ("Orients", vol. 8, №2, Leiden, 1955); A.Tietze, *Slavische Lehnwörter in der türkischen Volkssprache* ("Oriens", vol. 10, № 1, 1957); A.Tietze, *Direkte arabische Entlehnungen im anatolischen Türkisch*, Jean Deny armağani, Ankara, 1958; C. Tagliavini, *Osservazioni sugli elementi italiani in turco* ("Annali", Nuove Serie, vol. I, Roma, 1940)], и др.

Словарный состав современного турецкого языка заметно отличается от его состояния к моменту составления очерка Н.К.Дмитриевым. Во-первых, в значительной мере завершился отбор старой арабо-персидской лексики, и стабилизировалась основная часть неологизмов. Во-вторых, в словарях заметно пополнилась интернациональная лексика, оформленная по французскому (*biyoloji, psikoloji, dram* и т.п.) или греко-французскому (*genetik, geometri* и т.п.), реже греческому (*etnografya, bibliografya* наряду с *bibliyografi, dogma, hegemonya, karantina, kiklon* наряду с *siklon* и т.д.) либо латинскому (*dekan, ekvator, generator, kondoktor* наряду с *konduktör* и т.д.) образцу. В-третьих, количественно пополнилась лексика (большей частью заимствованная), относящаяся к хозяйству, культуре, науке и технике (в области автомобилизма, авиации, медицины, спорта и некоторых других отраслей). Наконец, получила значительную стабилизацию синонимика, и наметилась ее стилистическая дифференциация.

31 За исключением отдельных форм, обычно отмечаемых во всех руководствах по турецкому языку, в том числе и в настоящем очерке.

32 В громадном большинстве современных работ о тюркских языках – как у нас, так и за рубежом – прочно утвердился термин "аффикс", за исключением отдельных авторов, все еще не отказавшихся от термина "суффикс", и за исключением некоторых турецких работ, в которых грамматическая терминология окончательно не установилась, вследствие чего неискушенному читателю не всегда легко разобраться, чем отличаются между собой термины *lâhika, edat* и *ek*. Однако можно отметить у некоторых турецких языковедов стремление закрепить за термином *ek* значение "аффикса" или "словообразовательного аффикса", а за термином *edat* – значение "словоизменительного аффикса", оставив за словом *lâhika* значение "частицы".

33 Все эти соображения автора не теряют своего значения и в настоящее время; они могут быть распространены и на остальные тюркские языки. Известные в научной литературе попытки доказать существование префиксов в туркменском, узбекском и некоторых других языках нельзя считать успешными. Можно ожидать, что и соответствующий турецкий термин *önek*, используемый в некоторых лингвистических пособиях – в частности в орфографическом словаре (см.: "*İmlâ kılavuzu*", Beşinci baskı, Ankara, 1957, s. XIX), кажется, не без влияния известной среди специалистов статьи проф.Ж.Дени [J.Deny, *Existe-il des préfixes en turque?* ("Bulletin de la Société linguistiques", t. 39, 1938)] – рано или поздно будет оставлен как не имеющий серьезных оснований с точки зрения морфологического строя турецкого языка.

34 Для подавляющего большинства формантов турецкого языка это верно. Но и турецкому, как и остальным родственным ему языкам, в отдельных случаях не чужда затронутая здесь особенность флективных языков. Так, например, посессивные или предикативные аффиксы первого лица обоих чисел в каждом случае выражают одновременно две категории – лица и числа; все основы времени и наклонений также выражают одновременно две категории – время (или наклонение) и 3-е лицо.

35 Имеются и другие этимологии аффикса *-daş*, относящиеся еще к первой половине XIX в. Основную сводку их см.: А.Н.Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, стр. 104, сноска 1.

36 В своих последующих работах Н.К.Дмитриев наречия и междометия не относил к служебным словам.

[37] Вопрос о частях речи в тюркских языках, специально поставленный еще в 1936 г., не получил пока в науке общепринятого решения. Высказывался ряд точек зрения, ознакомиться с которыми читатель может из следующих работ:

Абдуллаев А., *О частях речи в современном азербайджанском языке* ("Азербайчан мектәби", №1, Баку, 1958) – на азербайджанском языке;

Баскаков Н.А., *Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология*, М., 1952;

Баскаков Н.А., *Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках (на материале каракалпакского языка)* [Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета (Института языкознания Академии наук СССР), посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов, 28 – 30 июня 1954 г.], М., 1954;

Батманов И.А., *О частях речи в киргизском языке*, Фрунзе, 1936;

Батманов И.А., *Части речи в киргизском языке* ("Вопросы языкознания", 1955, №2);

Боровков А.К., *О частях речи в тюркских языках* ("Революция и письменность", 1936, №2);

Джуманиязов Р., *Об отношениях между частями речи (в узбекском языке)* ("Совет мактаби", №11, Ташкент, 1954) – на узбекском языке;

Жирмунский В.М., *Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками* ("Известия отделения литературы и языка АН СССР", т. IV, вып. 3 – 4, 1945);

Зейналов Ф.Р., *Түрк дилляриндә нитг hиссәләриниң өйрәнилмәси*, Баку, 1957;

Искаков А.И., *О классификации частей речи в казахском языке* ("Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана", Ташкент, 1952);

Кузнецов П.И., *О принципах выделения частей речи (на материале турецкого и русского языков)* ("Сборник трудов по языкознанию", изд-во ВАСА, 1957).

Саяжеев Г.Д., *К проблеме частей речи в алтайских языках* ("Вопросы языкознания", 1952, №6);

Сауранбаев Н.Т., *Части речи в казахском языке и об их классификации* ("Халық мұғалімі", №21, Алматы, 1939) – на казахском языке;

Севортян Э.В., *К проблеме частей речи в тюркских языках* ("Вопросы грамматического строя", М., 1955);

Турсунов А.О., *О частях речи в киргизском языке* ("Мугалимдерге жардам", №4, Фрунзе, 1954) – на киргизском языке.

[38] Существуют и другие этимологии слова *değil*, см.: А.Н.Кононов, *Этимология слова dägil* "не есть", "не" ("Советское востоковедение", 1949, VI).

[39] Краткую сводку работ, относящихся к вопросу о происхождении посессивного аффикса 3-го лица, см.: А.Н.Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, стр. 74, сноска 2.

[40] В дальнейшем автор отказался от термина "неопределенный падеж", введенного еще О.Бётлингком и впоследствии поддержанного В.В.Радловым и его школой.

[41] О числительных в турецком и остальных родственных ему языках уже накопилась значительная литература: См.: С.Е.Малов, *К изучению туркских числительных* ("Сборник в честь 45-летия научной деятельности Н.Я.Марра", Л., 1935); Ш.Рахматуллаев, *Ҳозирги замон ўзбек тилидаги сон туркуми ҳақида баъзи мулоҳазалар* ("В.И.Ленин номидаги Ўрта Осиё давлат университетининг илмий асарлари – Ўзбек тили масалалари", Ташкент, 1957); Ә.Хасенов, *Қазіргі қазақ тіліндегі сан есимдер*, Алматы, 1957; G.J. Ramstedt, *Die Zahlwörter jigirmi und jüz* ("Zeki Velidi Togan'a armağan", İstanbul, 1955).

[42] О происхождении показателя настоящего времени *-yor* см.: А.П.Пощелуевский, *К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы*, Ашхабад, 1958; А.Н.Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, § 455; Ragib Mehmed, *Ein Beitrag zur Geschichte des osmanischen -jor Suffixes* (Auszüge aus den im Jahre 1925–26 an der philosophischen Fakultät der Budapester Kgl. Ung. Peter Pázmány-Universität angenommenen Dissert.), Budapest, 1926.

[43] Перечень новейшей литературы относительно происхождения показателя прошедшего времени см.: А.Н.Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, стр. 230.

[44] Описательные условные фонемы в турецком языке составляют лишь часть обширной системы перифрастических форм, природа которых после исследования М.С.Михайлова ("Перифрастическая форма и категория вида в турецком языке", М., 1954) представляется более сложной, допускающей разную интерпретацию. Перифрастические глагольные формы на разном уровне

5401

развития известны и в других тюркских языках (азербайджанском, узбекском, татарском и некоторых других), в которых они употребляются в значениях, близких турецким. Специальных исследований по данному вопросу в названных языках не проводилось.

45 В разговорном языке и диалектах форма *-in...* нередко выступает в значении Collectivi; ср.: например, *hey, cemaat, buraya gelin!* "люди, сюда!".

46 Аффикс *-ki* и следующие далее форманты *-ak...,-kan...-ç//-nç* означают названия орудия, результата, названия действия или их признаков. Часть этих значений более распространена в одной группе названных форм, другая часть - в остальных отглагольных именах.

47 В современном литературном языке заметно довольно широкое употребление деепричастия на *-(y)arak* в значении предшествующего действия, в связи с чем использование деепричастия на *-(y)ip* в этом значении, по-видимому, сокращается.

48 Соответствующую данной форму древнего деепричастия в орхонских надписях (*-ғалы*) П.М.Мелиоранский, как известно, сближал с супином ["Памятник в честь Кюль-Тегина" ("Записки восточного отдела Русского археологического общества", т. XII, СПб., 1899, примечание 3)]. В некоторых тюркских языках, например казахском, сохранились оба значения деепричастия на *-alı*: "с тех пор как" (временно́е значение) и "для того, чтобы..." (значение супина).

Помимо форм *-(y)alı* и *- (y)alıdan beri* в турецком языке встречается это деепричастие и в виде *-dım-(y)alı*, например *geldim geleli* "с тех пор, как я приехал".

49 Деепричастия на *-(y)ınca* выступают нередко и в значении, параллельном форме на *-dıkta*, так что, например, *ben onu görünce = ben onu gördükte* "когда я его увидел (вижу, увижу)", т.е. без усиления, выраженного наречиями "как только", "едва только". Вместо отрицательной формы *-mayınca* в значении предела действия главного сказуемого практически предпочтительнее деепричастие на *-madıkça*, представляющее собой отрицательную форму деепричастия на *-dıkça*.

3401

50 Деепричастие на *dıkça* переводится также в значении "каждый (всякий) раз, как ...", сопровождаясь в этом значении нередко определительным местоимением *her*: *her gördükçe* "каждый раз, как видел".

51 Персидский изафет в современном турецком языке не употребляется.

52 Являясь формой конкретизации определяемого, изафет третьего типа может выступать и в значении единичной неопределенности, т.е., например, сочетание *köylünün öküzü* может при необходимости заменить *bir köylünün öküzü* "бык некоего крестьянина". В то же время рассматриваемая форма замещает обычно второй тип изафета в тех случаях, когда определяемое в последнем выражено субстантивированной атрибутивной частью речи. Ср. *ekmeğin beyazısı* "белый [сорт] хлеба"; *karpuzun tatlısı* "сладкий [сорт] арбуза"; *köylünün biri* "какой-то крестьянин". Родительные падежи в приведенных сочетаниях указывают не на индивидуальное, а родовое понятие, по отношению к которому сочетание в целом выступает как выражение видового понятия.

Категории изафета посвящено специальное исследование С.С.Майзеля "Изафет в турецком языке" (М.-Л., 1957).

53 Н.К.Дмитриев, *Служебные имена в турецком языке* ("Советское языкознание", т. III, Л., 1937).

54 Не все еще ясно в вопросе об условиях употребления и семантике показателя *-lar*. Наиболее обстоятельной работой, посвященной значениям аффикса множественного числа, пока остается исследование Т.Ковальского (T.Kowalski, *Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar/-lär in den Türksprachen*, Kraków, 1936). См. также: А.Р.Руломов, *Ўзбек тилида кўплик категорияси*, Ташкент, 1944; Г.А. Никифоров, *О значениях аффикса -лар в якутском языке* ("Тюркологический сборник", № 1, М.-Л., 1951); K.Grønbech, *Der türkische Sprachbau*, København, 1936; D.Sinor, *On some Ural-Altaic plural suffixes* ("Asia Mayor", N.s., vol. II, part 2, London, 1952).

55 В дальнейшем Н.К.Дмитриев отказался от термина "слитное предложение", заменив его общепринятым в советской тюркологии термином "предложение с однородными членами".

[56] Условно-временные предложения на *-dı mı* (в примере автора *ders bitti mi*) обычно употребляются для передачи периодически наступающих событий, влекущих за собой другие события. Ср. *köyde düğün oldu mu, daima onu, çağırır imişler* "рассказывают, что если на селе бывала свадьба, то всегда его [туда] звали".

[57] Предложения приведенного типа можно рассматривать как придаточные меры.

[58] Критерии придаточного предложения, выдвинутые Н.К.Дмитриевым в его очерке, сохраняют свое значение и в настоящее время, когда тема придаточного предложения и его критериев уже многократно была предметом специальных исследований и обсуждений на всесоюзных координационных совещаниях тюркологов. Можно констатировать, что значительная часть специалистов в учении о придаточном предложении берет за основу предикативную связь, в которой подлежащее (или указание на его лицо) и сказуемое являются одинаково важными элементами, образующими основу предложения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	5
Предисловие	7
Введение	10
Фонетика	15
Лексика и семантика	26
Морфология	35
Синтаксис	63
Литература	76
Примечания	79

Николай Константинович ДМИТРИЕВ

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

*

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

*

Редакторы издательства М.В.Лазова, В.Д.Артамошина
Технический редактор Л.В.Ладонина
Корректор Т.К.Гарушянц

*

Сдано в набор 11/XI 1959 г.
Подписано к печати 20/VII 1960 г.
А-06291 Формат 60x92 1/16
Печ.л. 6,0 Усл.п.л. 6,0 Уч.-изд.л. 5,64
Тираж 2300 экз. Зак. 3401
Цена 3 р. 40 к.
С 1.I. 1961 г. цена 34 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер.,2

*

Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ
Люберцы, Октябрьский пр., 403